

Александр АМБРОСЬЕВ

ААРЫМА. ПРЕВРАТНОСТИ ВОЛЧЬЕЙ СУДЬБЫ¹

П о в е с т ь

Глава первая

Гибель волчонка

Настали чудесные долгожданные деньки, знойная маковка короткого лета, когда луга и алаасы² Срединной земли покрылись зеленым ковром шелковистой травы, пестро изукрашенным яркими цветами. Когда в такие дни окунаешься в прохладу скромной березовой рощицы, то легкое дуновение ветерка и трепет изумрудных листьев вливают в душу умиротворение и словно настраивают на новую жизнь. Кажется, что все кругом дышит любовью и нежностью.

Сегодня выдался особенно жаркий день. Каждое существо норовило спрятаться в вожденную тень, и лишь неутомимые оводы беспрестанно жужжали меж цветов и трав. Однако Аарыма³ покинул окрестности благословенного родного алааса и пустился в неблизкий путь. Тому была веская причина: Кылбара⁴, молодая подруга матерого волка, кормила первый в ее жизни выводок из четверых почти непрерывно сосущих материнское молоко мохнатых щенят. Волчице нужно было хорошо питаться, иначе она слишком отощает и ей будет трудно пережить предстоящую суровую зиму. Потому новоявленный глава волчьего семейства не ждал спасительной ночной прохлады, а вышел на промысел, чтобы поскорее добыть свежего мяса. Была у него и другая важная причина. Волчье семейство решило переселиться в верховья одного из бесчисленных притоков длинной извилистой Большой речки. Аарыма был уверен, что там, на обильно заросших тальником берегах,

¹ Журнальный вариант второй части повествования о волке (первая часть была опубликована в № 6 за 2023 год). Перевод с якутского Алексея Амбросьева (Сиэн Мунду).

² Алаас — типичный для равнинной Якутии ландшафт: поле округлой формы с пологими, как правило, склонами и чаще всего с озером посередине. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

³ Аарыма — очень большой, громадный, матерый.

⁴ Кылбара — здесь: блестящая, светлая, чистая.

волчатам будет безопаснее и вольготнее. Щенки, да и он сам с Кылбарой, быстрее нагуляют необходимый жир, и у них вовремя загустеет необходимый в холода подшерсток. И конечно, всегда лучше заранее изучить окрестности, чтобы выбрать удобные для волчьей пары с щенками места лежки в защищенных со всех сторон местах.

Кылбара с выводком неугомонных волчат неотступно и осторожно следовала за Аарымой. Волчица держалась на почтительном расстоянии, но по едва приметным следам и запахам главы семейства чувствовала, есть опасность для щенят или нет.

Огромный волк бесшумной тенью будто плыл по-над землей, мелькая сквозь разлапистые ветви густого вечнозеленого ельника, служившего серым хищникам надежной защитой и зимой, и летом. Скоро Матерого можно было видеть уже меж стволов громадных лиственниц, выделявшихся среди остальных деревьев особой статью и величием. Аарыма бежал тихой трусцой по мягкой, густо заросшей мхом земле, где то тут, то там виднелись полянки еще не созревшей брусники. От его зоркого взгляда и чуткого слуха ничего не ускользало. Время от времени вспугнутые им шустрые белочки в летних буро-красных или рыжих шубках стремительно взбирались на верхушки деревьев, откуда, наострив уши, с любопытством рассматривали нежданного гостя.

Осмотр близких и дальних владений Аарыма начал с охотничьих угодий, расположенных к западу от укромного логова, где они до этих пор обитали с молодой волчицей. По пути возле густых березняков волк заметил немало просторных лужаек с хорошим травостоем, где, судя по следам, постоянно паслись и отдыхали косули. Затем проведал залитые солнцем лесные прогалины, глубокие распадки со струящимися чистыми водами, алаасы с круглыми, как блюдце, озерами и подумал: это, пожалуй, прекрасные места, чтобы привести сюда пока неуклюжих смешных волчат для натаскивания на добычу, когда они еще чуть-чуть подрастут.

Аарыма, которого течение жизни вынесло на новую стремнину, продолжал бежать легкой трусцой по зеленым пологим возвышенностям, размышляя о превратностях волчьей судьбы. Незаметно для себя он перемахнул срединные холмы и большие увалы с высоченными стройными лиственницами и оказался недалеко от заветной речки с густо заросшими тальником берегами. Вскоре он наткнулся на совсем свежие следы. Судя по ним, это была молодая лосиха-первородка с еще маленьким сеголетком — теленком нынешнего года, чей красновато-рыжий мех только начинал меняться на коричневый. Они направлялись напрямик к лесному озерцу, расположенному на сопке в бывшем горельнике. Хищник, почуяв добычу, весь подобрался и немедленно устремился вслед за явно спешившими лесными скороходами. Иногда Аарыма останавливался, внимательно принюхивался, потом вновь пускался в погоню. Видимо, жара и многочисленные слепни, докучавшие сохатым, заставили тех ринуться напролом к спасительной прохладе лесного водоема. В такие минуты, конечно, любой может потерять бдительность, даже лосиха-мать. Теперь все зависело от серого

охотника — как он сможет распорядиться неожиданным подарком Баай Барыылаах Байаная⁵. Если удача от него не отвернется, то волчье семейство уже сегодня вдоволь полакомится вкуснейшими нежными потрохами и еще теплой кровью.

Матерый волк, скользивший бесшумной тенью меж деревьев, внезапно остановился. Он точно знал, где находится затерянное на таежной сопке озеро, и потому решил не подходить слишком близко к тем, кого преследовал. «Лучше дождаться здесь своих», — пронеслось у него в голове, и он притаился за буреломом. Обуревавшие хищника охотничий азарт и нетерпение заставляли его время от времени приподниматься и вглядываться в сторону, где находилась предполагаемая добыча. Быть осторожным не мешало. Скоро лосиха избавится от докучливых слепней, уймется нестерпимый зуд от укусов бесчисленных мелких кровопийц, и к ней вернется прежняя бдительность. Аарыма опасался, что тогда большие и чуткие уши лосихи-матери смогут уловить любой посторонний звук. А вот пугающие запахи она, скорее всего, почувствует позже: буйствующая вокруг зелень источала сильный, все перебивающий аромат. Это, конечно, поможет волкам немного выиграть расстояние, подойти для нападения чуть ближе. К тому же волк затаился на подветренной стороне.

Кылбара, шедшая по следам Аарымы, сразу определила момент, когда началась охота. Волчица прибавила ход и уже вскоре вместе с четырьмя щенятами была рядом с поджидавшим их отцом семейства. Пара устроила щенят под толстым стволом упавшей лиственницы. За вожака выводка родители оставили волчонка, который при появлении на свет первым скатился на устланную мягким мхом землю, а сами, прячась за большими деревьями и густым ивняком, направились в сторону пока ничего не подозревавшей лосихи с теленком. Старший волчонок пошел в отца: по сравнению с другими щенятами у него и лапы побольше, да и в целом он крупнее остальных. Он обладал всеми задатками настоящего вожака. Уже сейчас он задавал хорошую трепку чересчур расшалившимся младшим волчатам, и те его слушались, поскольку у них в крови было: каждый в стае должен знать свое место. Вот поэтому родители не в первый раз оставили малышей под его присмотром. Второй волчонок больше походил на мать, у него были такие же рыжевато-желтые подпалины на брюшке и на скулах. Он побаивался старшего брата, поскольку ему, как самому шустрому и зачинщику всей щенячьей кутерьмы, доставалось от того больше всех.

Волчата, еще ни разу не участвовавшие в большой охоте, превратились в глаза и уши. Они с нетерпением прислушивались к каждому шороху, чтоб уловить звуки охоты матерых таежных следопытов.

Аарыма и Кылбара подкрались к лесному озеру.

Вырвавшиеся на открытое пространство потоки воздуха, будто освободившись от мешающих вольному движению объятий могучих

⁵ *Байанай* — дух леса, покровитель охотников и рыбаков. *Баай Барыылаах* — постоянный эпитет к имени Байанай. Буквально — «имеющий богатство», «богатый».

лиственниц и непроходимых кустарников, сплелись в легкий ветерок и, оставляя на водной глади мерцающую солнечную рябь, затеяли веселый танец-хоровод. Молодая лосиха-мать находилась посередине озера. Прижав большие подвижные уши, она с наслаждением окуналась в чистую прохладную воду, шумно и с удовольствием фыркала длинным, с горбинкой носом. После каждого появления из-под воды она, чтобы поскорее избавиться от надоевших слепней и мошкар, встряхивалась всем коротким сильным туловищем, и тогда мириады капель разлетались во все стороны и вокруг купающейся лосихи возникала яркая радуга. Лосенок на длинных тоненьких ножках радостно резвился ближе к берегу. Чувствовалось, что до воды мать с теленком добрались недавно и еще не успели остудиться и вдоволь насладиться купанием.

Хищники переглянулись. Понимавшая вожака с полувзгляда волчица попятилась и скрылась в лесной чаще. Аарыма подкрался к берегу еще ближе и затаился так, что волка можно было заметить, лишь почти наступив на него. Легкий ветерок по-прежнему обдувал хищника со стороны озера, так что плескавшиеся в воде сохатые никак не могли учуять его. А вот запах живой плоти вперемешку с запахом мокрой шерсти так раздражающе щекотал ноздри матерого волка, что тот изошел слюной. По его расчетам, Кылбара уже скоро должна была оказаться на противоположной стороне озера. Лосиха, как бы ни окуналась в воду и ни фыркала, непременно почувствует запах хищницы. И тогда мать инстинктивно бросится к лосенку и они, скорее всего, рванут напрямик в спасительную тайгу. Но сначала им предстоит преодолеть участок с высоким кочкарником, и именно в этот момент Аарыма не должен упустить свой шанс.

Вскоре не в меру расшумевшаяся и потерявшая на время бдительность лосиха-мать замерла. Ее большие уши насторожились, мягкие влажные ноздри широко раздулись. Видимо, она учуяла запах волчицы-загонщицы. Еще мгновение, и она, вздымая брызги воды, помчалась к лосенку. Как только лосиха достигла заросшего травой мелководья, теленок пристроился к ней сбоку, и они вместе выбежали на берег.

Все получилось по расчету Аарымы. Едва сохатые достигли высокого кочкарника, который мешал развить большую скорость, притаившийся на их пути серый охотник рванул с места. Всего лишь пара огромных прыжков, и матерый волк с ходу вонзил клыки в горло лосихи. Но Аарыма не сумел сразу прокусить толстую шкуру, и лосиха-мать начала резко мотать головой. Она, хоть и была молода, обладала мощью, несравнимой с волчьей. Удачный резкий взмах головой мог размазать вцепившегося в шею хищника о кочку, а если бы лосиха сумела добраться до деревьев, то первый же удар об ствол могучей лиственницы стал бы для волка губельным. Передними лапами серый беспомощно хватался за мокрую шкуру сохатого, а задние почти при каждом взмахе лосиной головы теряли опору и попросту болтались в воздухе. Несколько раз Аарыму так сильно приложили к здоровенным кочкам, что у него помутнело

в глазах и он чуть не потерял сознание. Волк не разжимал клыки, иначе, он это прекрасно понимал, охота закончится ничем. Но так долго продолжаться не могло.

В решающий миг — как только успела! — появилась Кылбара. Стремительный выпад — и острые, как бритва, клыки волчицы подрезали подколенные мышцы и сухожилия задней ноги жертвы. Захромавшая лосиха-мать допустила роковую ошибку. Она, все еще пытаясь скинуть вцепившегося ей в горло волка, замедлила ход и оглянулась, ища взглядом чуть отставшего во время яростной схватки лосенка. Этого было достаточно, чтобы Аарыма нащупал под лапами твердую опору, и он в мгновение ока с новой силой клацнул зубами. В этот раз, несмотря на плотную и грубую шерсть на горле, волку удалось прокусить его. Матерый, почувствовав солоноватый вкус крови, резко рванул клыками. Из артерии брызнула кровь. Дело было сделано. Аарыма, чтобы не попасть под убийственные выпады заостренных копыт, резко отскочил в сторону. Кровь била струей из смертельной раны, но лосиха все же нашла в себе силы прикрыть собою лосенка, и они углубились в лес — как раз в том направлении, где волчья пара оставила щенят.

Аарыма, тяжело дыша, стоял и отфыркивался от набившейся в пасть лосиной шерсти. Кылбара была рядом. И тут они поняли, куда направились сохатые! Волки пустились вслед за раненой лосихой и лосенком. Догнали их, когда жертвы уже дошли до упавшей лиственницы, где притаились волчата. Потерявшая много крови лосиха-мать бессильно прислонилась к растущему рядом с буреломом дереву. В этот момент самый шустрый и любопытный из щенят опять не послушался старшего брата, выбежал навстречу лосенку и тут же попал под смертельные удары его заостренных копыт. Раздался жалобный визг волчонка. Гигантский прыжок — и матерый волк опрокинул лосенка. Тот еще не успел упасть на землю, как клыки Аарымы разорвали ему горло. И во второй раз за этот день во все стороны брызнула кровь. Лосенок попытался было встать, но тут же завалился на землю и, подергав немного тоненькими длинными ножками, затих. Прислонившаяся к дереву лосиха-мать едва стояла на ногах. Она не могла видеть, как все произошло, но услышала последний хрип детеныша, и силы покинули ее окончательно. Огромное животное, ломая сучья и подминая кусты, с шумом рухнуло, как подкошенное.

Наступила звенящая тишина...

По телу затоптанного насмерть волчонка пробежала судорога. Кылбара, которая только что неистовствовала в пылу охоты, понимала, что щенка уже не вернуть, но все прижималась к нему и продолжала слизывать выступившие на крохотном тельце капли крови. Вскоре она встала и, осторожно схватив за загривок безжизненного волчонка, ушла в чащу леса.

Два самых маленьких щенка хотели было последовать за матерью, но Аарыма чуть оскалил зубы, и они послушно остановились. Волк полоснул зубами подбрюшье лосихи, и из распоротого живота на траву хлынули

внутренности. Затем он ловко вытянул из дрожавшей, как холодец, массы покрытую жировой сеткой толстую кишку и ткнул щенят в исходящий паром деликатес. Волчата, еще никогда не пробовавшие столь жирной вкусной еды, с удовольствием начали разрывать крохотными зубками нежную плоть. Сидевший до этого молча старший щенок встал и присоединился к ним. Сегодня все происходило тихо. Никакой радостной волчьей песни, когда многоголосое эхо разносит над деревьями весть об удачной охоте, не было. Матерый лишь для приличия и соблюдения законов тайги издал короткий вой.

Кылбара появилась, когда семейство уже наелось до отвала и отдыхало в тени деревьев. Аарыма знал, что она схоронила убитого волчонка, но почему-то не встал и не подошел к ней...

Три дня и три ночи над лесистой возвышенностью, где под торчащими корнями сваленной бурей могучей лиственницы появился холмик из веток и мха, раздавался проникающий до самых глубин живого сердца волчий плач. Щенята, потрясенные случившимся, навсегда запомнили неумолимый закон волчьей стаи: малейшее неповиновение вожаку может привести к трагическому исходу. И еще они поняли, что любое существо, маленькое или большое, будет биться за жизнь до конца.

Охота на косуль

Пышный наряд земли увял, и природа стыдливо прикрылась тонким выцветшим одеялом еще только подступившей осени. В умиротворяющей тишине густая отава, напоминая о жарких летних деньках, украсила живописным зеленым ковром луга и прогалины. От нее старался не отстать и растущий на буреломках полевой хвощ, чья вызывающе яркая зелень бросалась в глаза. Но все-таки осень постепенно брала свое: тихие перелески и густая тайга, будто соревнуясь друг с другом, начали менять зеленое убранство на желтое. Березы, ивы и осины замерли в ожидании какого-то неведомого сигнала, по которому они враз осыплют землю золотым дождем опадающих листьев. А пока только редкие листики с темными, будто вены, прожилками срывались спросонья с веток раньше времени и, удивленно качаясь в почти безветренном прозрачном воздухе, медленно уплывали куда-то вдаль...

Опустились сумерки. Для небольшой стаи во главе с Аарымой наступило время охоты. Волки собрались караулить пугливых косуль, хоронившихся днем в лесной чащобе и выходивших пастись на небольшие поляны и алаасы с сочной травой только с наступлением темноты. Сегодня путь волков лежал к вытянутому с севера на юг большому алаасу, где раньше вольготно паслись многочисленные стада коров и табуны лошадей. Выстроенная некогда система каналов пришла в запустение, и вода, перелившаяся через заброшенные запруды, затопила большую часть алааса. Теперь в безоблачный день невозможно было разглядеть дальний берег из-за ярких солнечных бликов на зеркальной глади.

Волки прошли сначала по короткой южной стороне алааса с вклинившимся лиственничным мысом и старым заброшенным ётёхом⁶, где с западной стороны виднелся желтый островок березок, которые к прежнему ложу озера росли ближе остальных деревьев. Затем хвостатые лесные охотники, так же прикрываясь ивняком и густыми кустарниками, осторожно потрусили по западному косогору алааса.

К вечеру небо заволокло низкими облаками, предвещающими перемену погоды. Совсем стемнело. Время от времени сквозь прорехи небесного покрова на землю проливалось потоком лунное сияние. Потом вновь наступала крошечная тьма. Но, несмотря на постоянное движение ночных облаков и чередование тьмы и света, в алаасе было тихо и безветренно.

Волки, чутко принюхиваясь, продолжали круговой обход алааса. Они передвигались бесшумно, будто тени облаков в те редкие минуты, когда выглядывала луна. Вдруг шедший чуть впереди остальных вожак, ступавший осторожно, чтобы не хрустнула даже успевшая засохнуть листва, замер. Появившееся в прогалине меж облаков ночное светило лишь на миг озарило землю, но этого было достаточно, чтобы Аарыма успел заметить возле березового островка косуль. Их глаза, будто упавшие с небес на землю звездочки, предательски сверкнули фосфоресцирующим светом.

Матерый хищник тотчас укрылся в лесу. Почувствовавшие азарт волки нетерпеливо сгрудились возле вожака. Наступили минуты наивысшего напряжения, когда предвкушение действия будоражит кровь, заставляет учащенно биться сердце и гонит вперед. Опытные Аарыма и Кылбара знали, что самым главным в предстоящей скоротечной охоте является холодный расчет и умение выждать подходящий момент. Волчата их первого помета были совсем еще юны, но лобастый первенец-крепыш уже обладал всеми задатками прекрасного охотника и будущего лидера. Он с рождения был рассудительным, и потому родители нарекли его Джосун⁷. Неудивительно, что Аарыма и Кылбара взяли его с собой, а двух младших определили загонщиками.

Охота началась!

Хорошо обученные волчата выбрали правильную позицию. Они зашли к ничего не подозревающим пасущимся жертвам со стороны озера. Застигнутые врасплох косули, не ждавшие хищников именно отсюда, бросились врассыпную. Большинство, как и предполагал Аарыма, помчалось, полетело сквозь березовую рощицу, через поляны напрямик к лесной чаще. Матерый опытный волк прекрасно знал, что как только изящные косули с длинными, красиво изогнутыми шеями достигнут деревьев, то они тут же растворятся в ночном лесу. И попробуй сыщи их там! Они так запутают следы, что в крошечной темноте у серых охотников почти не будет шансов отыскать их. Потому волки и устроили

⁶ Ётёх — место, где ранее стоял дом, остатки заброшенной усадьбы, жилья. Поскольку предки народа саха раньше селились по принципу «один алаас — одна семья», ётёхи в Якутии встречаются повсеместно.

⁷ Джосун — важный, солидный, достойный, громадный.

засаду у открытого, хорошо просматриваемого участка, расположенного между островком березок и глухой стеной тайги на краю алааса. Расчет мудрого вожака оказался верен: вскоре послышался топоток маленьких копыт по скошенной стерне, и в лунном свете показалась косуля, выбежавшая прямо на Аарыму. И тут же луна, будто ей стало стыдно за то, что предательски осветила пытавшееся скрыться нежное создание, поспешила спрятаться за темные облака. На земле опять воцарилась мгла. Но вожака было уже не остановить. Он почти наугад схватил за заднюю ногу пролетавшую над ним в высоком прыжке косулю, а затем одним движением мощных челюстей перекусил тонкий хребет жертвы.

Кылбара также удачно поохотилась и дала Джосуну возможность добить подранка. Молодой охотник весьма ловко прекратил агонию жертвы. Остальные косули сумели прорваться к спасительным чащобам.

Наступило затишье. Лишь в березовом островке на краю алааса оставшиеся ни с чем младшие волчата гоняли взад и вперед одинокую косулю. Пока старшие члены стаи ждали, чем это закончится, ночную тишину неожиданно нарушил взревевший двигатель трактора. Этот звук был очень хорошо знаком Аарыме по временам его соседства с двуногим, который, как теперь казалось волку, существовал в какой-то совсем другой его жизни...

Работники только что управились с изгородью вокруг уложенного ими стога сена и, несмотря на глубокую ночь, возвращались домой. Они уже с вечера почувствовали, что погода скоро переменится. Колесный трактор с людьми в прицепе аккуратно ехал по укатанной полевой дороге вдоль темной стены леса. Он не пытался спрямить путь, а послушно следовал всем плавным изгибам, спускам и подъемам. Свет фар то исчезал, то появлялся вновь, будто мелькавшая меж облаков луна с вечными спутниками — звездами. Вскоре, когда фары выхватили из темноты поляну меж темным лиственничным лесом и березовой рощицей, люди из прицепа заметили трех волков, которые пересекали дорогу. Первым шел громадный волк, легко несший в зубах взрослую косулю, а за ним следовали звери поменьше, видимо, еще волчата. Они спокойно, без видимой суеты дошли до леса и скрылись в нем.

Сидевшие в прицепе люди молча проводили волков взглядом. А потом заговорили все разом.

— Нет, ну вы видели? Вот это волчище! Просто монстр какой-то!

— Да уж... И откуда он только взялся? Вроде бы летом его в наших краях не было...

— Матерый волчище. Никогда не думал, что бывают такие гиганты...

Возбужденные голоса мужчин, никак не ожидавших увидеть столь матерого волка в алаасе, где они провели все лето, постепенно удалились и стихли. Лишь еще какое-то время слышался шум трактора, но вскоре пропал и он.

А в это время Кылбара, на сердце которой еще не зарубцевалась рана от утери любимого непослушного щенка, затоптанного копытами лосенка, задала двум маленьким волчатам хорошую трепку. И было

за что. Они так увлеклись охотой за одинокой косулей в березовой роще, что в пылу азарта даже не заметили шума дымодышащего четырехколенного со светящими глазами, едущего прямо в их сторону. Вот и пришлось Аарыме в спешном порядке отправиться за ними в рощу, а затем мелькать с волчатами перед двуногими. По пути опытный вожак успел перехватить и завалить убежавшую от незадачливых волчат косулю. Люди заметили их, когда они как раз возвращались к поджидавшим их матери семейства и Джосуну.

Волчица-мать представила себе, что могло произойти, если бы вожак не успел за волчатами, и ей стало жутко. Ей привиделась страшная картина: вот выскакивают из прицеппной тележки двуногие с огнедышащими железными палками и расстреливают волчат, а те, захлебываясь кровью, катятся кубарем и замирают на земле. И ей стало жутко. Оттого она и задала хорошую трепку провинившимся отпрыскам. Волчата хорошо усвоили новый материнский урок: надо ухо всегда держать востро. Нельзя легкомысленно подвергать смертельному риску свою жизнь и жизнь других членов стаи.

Поневоле выдавший двуногим свое присутствие, Аарыма решил, что ему с еще не подросшими волчатами ссориться с местными жителями совсем ни к чему. У него уже был горький опыт. Хотел волк этого или нет, но отныне все коневоды и охотники, до которых мгновенно дойдет слух о его существовании, дружно ополчатся на огромного зверя. Так что ему вместе со стаей следует убраться отсюда подобру-поздорову. И как можно дальше, в другие богатые живностью места. Лучше уйти к верховьям двух притоков Большой реки, ближе к тем местам, где он впервые встретил молодую Кылбару.

Аарыма жив!

Отшумели осенние порывистые ветра, срывавшие с лесного покрова тайги золотые листья и устилавшие землю мягкой хвоей. По ночам ветви деревьев начали покрываться нежной серебряной вязью. Но стряхнувшая пышную позолоту тайга недолго выглядела сиротливо голой и черной. Накануне больших холодов она с несказанной радостью примерила новый роскошный белоснежный наряд. В это время притихшие таежные возвышенности с пологими склонами бывают особенно притягательны: воздух прозрачен и чист, все кругом дышит умиротворяющим покоем. Сначала кажется, что накануне наступающих холодов величественное белое безмолвие нарушают лишь редкие птички трели да хлопотунья белка, запасающаяся на зиму шишками и другой необходимой снедью. Но несколько минут спокойствия и внимания, и ты уже начинаешь удивляться обилию следов птиц и всевозможных зверьков на свежевывавшем пушистом снегу. Увидевший их разнообразие поневоле задумывается о том, почему вся эта живность никогда не меняет сдержанный и суровый нрав родных краев на теплый климат южных стран.

Белка уже успела поменять летнюю шубку на зимнюю, с плотным и густым мехом сероватого цвета, белым на животике, и теперь без конца

сновала, утепляя жилище. То тут, то там у подножья темно-зеленых елей виднелись остатки ее обеда: шелуха, шишки и семена. Утепляться было действительно нужно. И не только шустрому лесному зверьку с длинным пушистым хвостом. Судя по слишком крепким для этого времени года ночным холодам, зима ожидалась малоснежная и оттого особо суровая, с долгими трескучими морозами и колючими ветрами.

Волчья стая переселилась ближе к родным краям Кылбары и при-смотрела для себя укромные места в верховьях одного из притоков Большой речки. Прибыв туда, они почти сразу наткнулись на свежие следы диких оленей и тотчас решили потропить их. Не зря же говорят, что волка ноги кормят. К тому же именно сейчас родителям надо было хорошо откормить волчат, создать у них запас жира, поскольку в лютые зимние холода им по несколько дней, а то и недельку-другую придется обходиться без еды. Ну и настало время отработать и закрепить навыки коллективной охоты и умение беспрекословно слушаться вожака. А то последний случай с двуногими дал старшим волкам повод крепко задуматься об этом. Только действующая заодно стая может перезимовать без потерь.

Кылбара с двумя младшенькими осталась в засаде. Аарыма и Джосун пошли по следам оленей, чтобы догнать их и направить к поджидающим охотникам. Если вожак не ошибся, то сейчас преследуемые ими олени находились в излюбленном месте отдыха — в густых тальниках у какой-нибудь прибрежной поляны. Волки устремились туда.

Аарыма был прав. Следы оленей вели в сторону заливных лугов. Волки осторожно подкрались к растущему на пологом косогоре сосняку и стали изучать, что происходит внизу, в тальнике. А с левой от волков стороны, где после вырубки сосен образовался пролесок, прямо к ним неслась во весь опор темной масти псина с белой полоской вокруг шеи. Не отставала от нее и светло-рыжая, почти лисьего окраса, собака. Заметив волков, собаки дружно залаяли, давая знать хозяевам-охотникам, что кого-то увидели. Стоявшие в низине сторожкие олени услышали громкий лай и мгновенно рванули на противоположный берег. Раздосадованный сорванной охотой, Аарыма гневно оглянулся и грозно зарычал. То же самое сделал и Джосун. Хищный оскал и сверкающие огнем глаза ничего хорошего псам не сулили.

В этот момент на прогалине сосняка показались три всадника. Заметив на возвышении матерого волка и бегущих к нему собак, они сразу поняли, какая беда ждет их четвероногих друзей. Двуногие, выхватывая ружья, закричали что есть силы, подзывая собак. Увидев стремительно приближающихся охотников, Аарыма решил отступить, тем более что рядом с лошадьми мелькали и другие хвостатые следопыты. Матерый волк мог быстро справиться с псом, но он достаточно прожил на Срединной земле и знал, что двуногие с огнедышащими железными палками очень опасны. Любой выстрел может оказаться для волков смертельным. Однажды, как раз в этих местах, Аарыма

своими глазами видел, как двуногие из таких штук уложили оленей, находящихся аж на другом берегу. И это тоже было в разгар сезона охоты на белок с новенькой зимней шубкой. Волк запомнил тот случай на всю жизнь.

Черная собака с белой полоской вокруг шеи превратно поняла громкие крики хозяев. Она восприняла их как поощрение, побуждение к атаке и вознамерилась с разбегу напасть на чуть приотставшего от отца Джосуна. Увидевший это Аарыма, позабыв обо всем на свете, прыгнул навстречу собаке и в мгновение ока просто разорвал ее. Она даже взвизгнуть не успела. В этом страшном зверином выпаде смешалось все: и желание защитить своего отпрыска, и раздражение от сорванной охоты.

Раздался сухой треск выстрела. Пуля вонзилась в стоящую рядом с волками сосну и отцепила большой кусок коры, обнажив светло-желтоватый ствол. Второго выстрела Аарыма и Джосун ждать, разумеется, не стали и пустились наутек.

Несмотря на случай с собаками и стрельбой, которая могла закончиться весьма плачевно, Аарыма решил, что от первоначального плана отказываться не стоит. Убежавших оленей они с Джосуном догнали уже возле Большой речки, но сумели вдвоем развернуть их и направить обратно вверх по течению, к поджидавшим в засаде другим членам стаи. Мудрый волк рассуждал так: «Охотники вышли белковать. Значит, они пойдут дальше и обязательно наткнутся на свежие следы волков, подстерегавших оленей. Двуногие поймут, что серым хищникам и дела не было до собак, которые просто помешали их охоте. И еще они поймут, что убитый пес — это трагическая случайность... Пойдут вдоль речки. Потом, скорее всего, разделятся. Не будут же они гурьбой гоняться за белками».

И надо сказать, в своих рассуждениях Аарыма не ошибся.

Оставив Джосуна и дальше гнать стадо в нужную сторону, вожак свернул направо и углубился в тайгу. Сейчас самое время осторожно разведать, не направился ли сюда кто-нибудь из встреченных ими всадников. Но никаких свежих следов круглых копыт лошадей, а также запахов псины Аарыма не обнаружил. На обратном пути он наткнулся на двух оленей, видимо, отбившихся от основного стада, и тотчас развернул их. Вожак забеспокоился. Может, Джосун, в ожидании опытного отца, замедлил ход или, наоборот, слишком близко подошел к оленям и они от испугу разбежались. Тогда, считай, вся охота насмарку. Но, подойдя ближе, матерый волк понял, что все олени вновь воссоединились в одно стадо. Аарыма остался доволен охотничьими повадками молодого волка. Джосун, не отвлекаясь на двух то и дело отлучавшихся особенно беспокойных детей тундры, степенно, в одном темпе преследовал основное ядро стада. Он лишь иногда забегал вправо или влево, чтобы направлять животных в нужную сторону. На взгляд вожака, Джосун в качестве загонщика вел себя не по годам толково. А ведь это непростое умение, вырабатываемое у серых хищников годами.

Приближаясь к месту засады, загонщики начали то и дело подвывать, все громче и увереннее. Этим воем они не только давали знать Кылбаре и двум младшим волчатам, с какой стороны их ждать, но и не позволяли оленям разбежаться. Вдруг, перебивая шум гудящей от ветра тайги, впереди послышалось неистовое рычание и звуки яростной борьбы. Раздумывать было некогда, и Аарыма с Джосуном бросились в подвернувшийся в густой чащобе просвет из молодых лиственниц. Оказалось, что Кылбара с волчатами уже завалили двух животных, успели, разрезав клыками их глотки, утолить жажду, утихомирить охотничий пыл свежей дымящей кровью, и теперь ждали их. И тут Джосун заметил, что по лесистой возвышенности в направлении реки убегают еще четыре оленя. Решив, что теперь наконец-то настало и его время завалить добычу, он рванул было вслед за ними, но Аарыма тут же осадил его. С них хватит и этих двух, добытых Кылбарой. Нельзя убивать сверх меры направо и налево. Это закон тайги, и отпрыски обязаны знать об этом.

Вожак и его волчица, устроившись возле добытых маленькой стаей оленей, дружно исполнили традиционную песнь удачной охоты. К ним присоединились младшие члены стаи. И многоголосое эхо разносило над тайгой эту их радостную весть.

Через несколько дней молва о том, что Аарыма жив, облетела все ближайшие села и наслеги⁸. В интернет-мессенджере писали: «Вернувшиеся из тайги охотники-бельчатники своими глазами видели громадного волка, и это точно был пропадавший куда-то Аарыма. Все распространяемые ранее сведения о том, что кто-то из охотников убил его, — не более чем небылицы!» Более осведомленные люди делились деталями. В частности, рассказывали об одном из бельчатников, который раньше видел Матерого и сейчас опознал его живого. Теперь разговор каждого табунщика и охотника, да и весьма далеких от охоты жителей начинался с расспросов про лесного хищника, не видел ли кто его новых следов и так далее. Казалось, еще немного, и люди начнут справляться о его здоровье! Кого-то возвращение Аарымы из небытия искренне радовало, а охотники-волчатники, заявлявшие ранее, что они добыли матерого хищника, лишь молча выслушивали новости. Мол, с кем не бывает, могли и ошибиться.

Возвращение в родные края

Наконец-то отступили исторгаемые свирепым дыханием грозного Быка холода⁹ жестокие морозы с клубящимися туманами и настала долгожданная весенняя пора с ярким переливающимся солнышком. Дни удлинлись, все вокруг наполнилось мягким дыханием теплого воздуха. Небольшая стая Аарымы, соскучившаяся по просторным алаасам, где

⁸ *Наслег* — территория сельского поселения.

⁹ *Бык холода* — древнее олицетворение зимы у народа саха. Он выходит из Ледовитого океана в Срединный мир, и начинаются холода. С ростом его рогов морозы крепчают, а когда рога ломаются — ослабевают.

с приходом лета голову кружит непередаваемый аромат разнотравья, возвращалась в родные места.

Стая благополучно перезимовала в междуречье. Волчьему семейству чрезвычайно повезло: как раз накануне наступления суровых холодов на юго-восток проследовали огромные стада диких северных оленей. Они покинули бескрайние просторы тундры, где опустилась полярная ночь, освещаемая лишь дрожащим изумрудным светом северного сияния. Там наступило время свирепых ветров, за белесыми полотнами которых не было видно ни зги, и мокрый снег превращался в ледяной наст, разрезающий в кровь олени ноги. Животные откочевывали на зимовку к спасительным ягельникам, расположенным у подножия высоких скал, чтобы вырастить там новое потомство. Так было испокон веков. Так было и в этот раз.

Одно крыло бесконечно струящегося по тайге поголовья прошло, задев междуречье, где обитало семейство Аарымы. Для волчат, выросших в алаасных лесах в окружении тихих перелесков, это стало невиданным доселе событием. Стае удалось отсечь и изолировать несколько групп по десять, а то и двадцать оленей, которые так и остались пастись в богатых на ягельники местах. И волки всю зиму спокойно охотились на оставшихся животных.

Алаасные владения Аарымы, где в просторных полях гуляют вольные ветра и поет свою песнь вековая тайга, граничили на юге с обширной территорией другой стаи во главе со старым вожаком. Вернувшись из междуречья, Аарыма узнал, что стада оленей прошли и через эти соседские земли. Только закончилось это весьма печально. Вечные спутники большого скопления мигрирующих животных — серые разбойники, не признающие никаких законов тайги и любых границ, — принесли местным жителям неисчислимы бед. Вольготно охотясь на диких оленей, пришлые разбойники задрали без всякой надобности множество домашних лошадей и вбили клин смертельной вражды между избегавшими охотиться в родных местах волками и людьми. Коневодам-табунщикам недосуг было разбираться, что за хищники завалили их длинногривых детей Джёсёгея¹⁰. Старый вождь местных волков Кырыктаах¹¹ был бессилён в своей ярости. Он прекрасно отдавал себе отчет, что ничего не может противопоставить многочисленным волкам, следующим за стадами оленей. Вождь состарился. Уже клыки истерлись и силы не те. Он был в том же возрасте, в каком некогда встретился Аарыме Хосуун, другой серый старейшина, живший по законам тайги и никогда не преступавший их. Кырыктаах, насколько мог, тоже придерживался законов вечной тайги, но стремительно терял авторитет, и несколько самых сильных переярков из стаи ушли вместе с чужаками. И теперь остались лишь сам Кырыктаах с верной подругой и два молодых волка из прошлогоднего выводка.

¹⁰ *Джёсёгей* — в мифологии народа саха небесный покровитель коней и отважных мужчин.

¹¹ *Кырыктаах* — злобный, лютый, агрессивный.

После того как стада оленей прошли, для крохотной стаи Кырыктааха настали по-настоящему черные дни: молодые глупые волки, уже распробовавшие нежнейшее мясо длинногривых, достававшееся им даром после пиршества чужаков, решили и сами покуситься на жирных кобылиц. Чаша терпения коневодов-табунщиков, только начинавших успокаиваться после разбоя пришлых волков, переполнилась. В ярости они решили полностью истребить местную стаю. Жители ближайших наслегов и раньше воевали с серыми хищниками, но речь шла в основном о проходящих вместе с мигрирующими стадами оленей волках. Неудивительно, что вскоре два молодых самца стали добычей охотников-коневодов. Да и сам Кырыктаах едва спасся, оставив в хитро расставленном капкане истертые когти. И теперь он отпечатывал узнаваемый след без когтей. Далее события развивались стремительно. Для Кырыктааха и его состарившейся подруги, на глазах которых распалась их большая стая, месть стала единственным смыслом жизни. Вскоре хозяева длинногривых начали находить то тут, то там искалеченных или задранных кобыл.

Так долго продолжаться не могло. Кырыктаах понимал это, но назад пути уже не было...

Пока цветистое жаркое лето раздумывало в недоумении, уходить ему или задержаться еще немного, яркие краски вылиняли, словно их смыли водой, и наступила осень. Но и ее золотое царство продержалось недолго, и она незаметно и тихо попрощалась до следующего года. Вскоре лесистые возвышенности, поля и перелески запорошило, и только затем выпал густой зимний снег, который уже не растает до следующей весны. Он окончательно скрыл остатки осенней роскоши.

Первые крепкие морозы не заставили себя долго ждать. Ётёхи, поля и перелески заполнили пушистые зайцы-беляки. Они, будто разминаясь и разгоняя кровь, начали проторять множество троп по глубокому свежевывавшему снегу. Аарыма решил, что сейчас, пока еще держатся бодрящие утренние холода и следы длинноухих видны как на ладони, настало самое время молодым отпрыскам потропить набегавшихся за ночь беляков. Те с удовольствием и азартом взялись за дело. Обнаружив вскоре одну из наиболее утоптаных заячьих троп, цепочкой пошли вдоль нее. И тут же тихим скулежом младшая из выводка дала понять, что учуяла добычу. Получившие сигнал двое старших устроили засаду в редколесье на опушке, в сторону которой вела заячья тропа.

Вскоре стало понятно, что беляк, почувствовавший слежку, сделал хитрый крюк и вознамерился вернуться обратно. Но молодые хищники уже были научены родителями, что зайцы частенько пользуются этим маневром, и потому лишний раз дергаться не стали, а тихонько переместились чуть поодаль по обе стороны тропки и стали ждать.

Немного погодя они увидели, как на поляне вырос снежный столбик. То был заяц-беляк, севший на задние лапы и прижавший передние лапки к груди. Он настороженно принюхивался, широко раздувая

ноздри темного, словно шишка, носа и поводя при этом во все стороны длинными ушами, концы которых были черны, будто их хвятили измазанными сажей рукавицами. Большие миндалевидные глаза беспокойно оглядывали окрестности. Прошло некоторое время. Заяц вроде ничего опасного не обнаружил и теперь должен был вернуться назад по проложенной им же тропке, где его поджидали молодые волки. Все шло, как они и предполагали, но белая вдруг остановился, снова сел на задние лапы и весь превратился в настороженный слух. Еще мгновение, и он стремглав пустился в сторону леса. И только теперь удивленные хищники уловили весть откуда появившийся новый звук. Но теперь казалось, что он слышится отовсюду.

Вдруг со стороны сопредельной территории, принадлежавшей некогда грозному вожаку Кырыктааху, из лесной чащи выскочила пара взрослых волков и устремилась к ётёху — как раз туда, где в засаде находились молодые охотники из стаи Аарымы. Следом за ними, разбрызгивая во все стороны еще рыхлый снег, показались две ревущие железные повозки с вооруженными двуногими. Они, сами того не ведая, отсекали младшую из отпрысков Аарымы от сидящих в засаде Джосун с братом. Если сейчас удирающие от свинцовых пуль хищники двинутся в сторону сыновей Аарымы, то выведут охотников-волчатников прямо на них. И молодым волкам придется очень туго, поскольку охотникам не составит большого труда выследить их по свежеснеженному снегу. Та же участь постигнет и их сестру.

И в этот момент Джосун, сызмальства привыкший брать ответственность на себя, принял не по годам зрелое решение. Он смело выскочил из устроенной для засады лежки и во весь опор устремился в направлении Большой речки, где они зимовали со стаей. При этом дал понять брату, чтобы следовал за ним, и тот, с детства привыкший слушаться старшего, тотчас пустился за Джосуном.

Первая пара хищников уже скрылась в лесу. А перед охотниками неожиданно показалась другая пара волков, и люди, развернувшись, пустились в погоню уже за ними. Выросшие здесь серые прекрасно знали местность. Джосун, уводя охотников, специально выбирал косяки с завалами беспорядочно упавших елей и лиственниц или открытые участки с высоким кочкарником. Волчатников на расстояние верного выстрела отпрыски Аарымы так и не подпустили. Тем временем начало быстро смеркаться, и охотникам пришлось свернуть погоню и возвращаться восвояси. А успешно запутавшие их молодые волки на всякий случай решили переночевать в лесу на противоположном берегу Большой речки.

После того как младшая из выводка волчица пришла одна, Аарыма с Кылбарой осторожно заглянули в ётёх, где молодые волки пробавлялись охотой на зайцев. Судя по следам, дети тайги увели волчатников в сторону Большой речки, а старый Кырыктаах с подругой, счастливо избежавшие смертельной погони, вернулись на свою территорию. Прошло несколько дней. Когда, встревоженные долгим отсутствием

отпрысков, Аарыма с Кылбарой уже собрались отправиться на их поиски, Джосун с младшим волком, наконец, появились.

Случившееся стало еще одним уроком молодым таежным хищникам, усвоившим, что в мире все взаимосвязано и каждое событие неминуемо влечет за собой другое. И к этому надо быть обязательно готовым.

Первая зимовка Джосуна

Когда утренние морозцы превратились в настоящие крепкие холода и земля основательно промерзла, Аарыма с Кылбарой и двумя младшими волчатами двинулись к местам прошлой зимовки. Что касается Джосуна, то вожак решил, что тот стал уже достаточно самостоятельным и ему пора начинать взрослую жизнь. Его оставили на территории рядом с бывшим двуногим соседом Аарымы — обжиться, осваиваться. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что вожак еще осенью, задолго до первого снега, обошел со старшим отпрыском прежние обширные владения. Показал разные укромные уголки, солонцы, а также другие удобные для охоты места, где чаще всего любят пастись и хорониться пугливые косули.

Стая ушла. Но Джосун не скучал. Он неутомимо рыскал по всей территории, внимательно изучая ее и наблюдая за тем, что происходит вокруг. В один из дней, исследуя дальние распадки и луга, он неожиданно наткнулся на свежие следы неведомого ему чужака. Молодой волк не смог точно определить, кому они принадлежат, но, судя по размерам и глубине отпечатков лап с длинными когтями, зверь был крупнее и тяжелее Джосуна. Ступал он степенно и важно. С тех пор Джосун постоянно чувствовал незримое присутствие чужака. Более того, тот неизменно следовал за ним. Признаки его присутствия были везде. Теперь молодой волк был постоянно настороже и прислушивался к любому шороху.

Ранняя зима сковала все кругом льдом и засыпала снегом. Открылись большие зимники, по которым и днем и ночью проносятся, сотрясая стоячий холодный воздух, тяжело груженные машины. Их железный грохот далеко разносится над зимней тайгой. Джосун уже перестал обращать внимание на этот постоянный шум.

Однажды на южных границах своих владений, пробегая вдоль расчищенной недавно просеки, молодой волк вдруг заметил наверху одного из беспорядочных завалов деревьев коренастую, чуть сгорбленную фигуру. Он сразу догадался, что это и есть тот самый зверь, который с некоторых пор повсюду следует за ним. Джосун мгновенно приготовился вступить в схватку и продемонстрировал весь набор угроз: вздыбил шерсть на загривке, свирепо зарычал, оскалил зубы, прижал уши и, наконец, пригнув лобастую голову, пошел прямо на незнакомца. Похожий на маленького медведя темно-бурый коренастый зверь ничуть не испугался. Он еще более сгорбился, зарычал в ответ и, выставив короткие мощные лапы с длинными и острыми когтями,

сам приготовился напасть на Джосуна. Неожиданно на перекресток просеки и дороги выскочила железная повозка двуногих, шума которой Джосун не слышал из-за постоянного грохота со стороны зимника. Впереди раскачивающегося на ухабах гудящего четырехколесного неслись два пса светло-рыжего окраса с белыми подпалинами. Они учуяли волчий дух и устремились к Джосуну. Увидев их, молодой волк мгновенно перемахнул через поваленные деревья и во весь опор пустился в лесную чащу.

А вот упрямая росوماха — это была именно она, — не привыкшая отступать ни перед кем, убежать не собиралась. Она еще сильнее выгнула спину и, встречая собак, издала грозное рычание и оскалила острые, как бритва, клыки. Но при виде людей и их техники с шибяющим в ноздри противным запахом все же была вынуждена забраться на ближайшую крепкую лиственницу. Там она устроилась на самом нижнем толстом суку и приготовилась защищаться.

Убегая от собак, Джосун успел заметить, как преследовавший его все последние дни зверь взобрался на дерево и как его окружили псы. Молодой волк отошел уже довольно далеко, но в общем шуме удаляющегося собачьего лая слышал несколько сухих коротких выстрелов, звук которых уже научился различать раньше. Он не знал, чем закончилась история с незнакомцем, но догадывался, что огнедышащие железные палки просто так не прогремели.

Уйдя от просеки на приличное расстояние, Джосун более-менее успокоился, отдышался и теперь легко трусил по лесной тропе, проложенной в глубоком снегу длинноногими лесными великанами — лосями. В какой-то момент он неожиданно услышал нервное шуршание коготков белки, резво взбирающейся вверх по дереву, и по привычке таежного хищника поднял голову — узнать, что происходит. И успел заметить, как с толстой ветки соседней кряжистой лиственницы, издав душераздирающее уханье, прямо на него устремилась огромное пернатое существо с большими глазами. Молодой волк кое-как успел увернуться от мощных и острых крючкообразных когтей. Нападение было неожиданным, но реакция Джосуна была мгновенной: инстинктивное клацанье волчьих челюстей — и послышался хруст ломаемых костей. Но хищная птица и не думала сдаваться. Она продолжала чувствительно бить по волчьей морде здоровым крылом, а мощные когти, мелькавшие перед Джосуну, могли располосовать его в любой момент. Однако после короткой яростной битвы волк взял верх и вскоре с удовольствием отведал мяса напавшего на него существа. Это был огромный филин с бочкообразным туловищем и почти двухметровым размахом крыльев. Он лишь ненамного уступал по размерам беркуту, которого народ саха уважительно называет царь-птицей. Подобные гигантские экземпляры пернатых хищников встречаются довольно редко, и не совсем понятно, что заставило птицу напасть на волка, пусть и молодого. Зато в ночь после гибели филина зайцы, которых он держал в постоянном страхе, чуть ослабили бдительность, и Джосун добыл пару-тройку длинноухих. Наевшись,

далеко уходить не стал. Выбрал, как учил глава стаи Аарыма, удобное место на лесистой возвышенности с хорошим обзором местности, свернулся клубком и задремал чутким сном.

Отныне за Джосуном уже никто не следил. Слой снега стал толстым и плотным, наступили трескучие морозы. Все кругом замерло и, укрывшись белым одеялом, погрузилось в долгий дремотный зимний сон. Лишь изредка был слышен голос вездесущего и чрезвычайно любопытного черного ворона, которому не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, что в местной тайге объявился новый клыкастый хозяин.

Полуголодная зима для одинокого молодого волка показалась бесконечно долгой. Тем ценнее были следы на чистом снегу, по которым Джосун мог точно определить, кто и куда направился. Он специально не мышковал, хотя частенько перекусывал мелкими грызунами, напрасно считавшими, что под глубоким снегом их никто не видит и не слышит. Чуткий слух пробежавшего мимо волка улавливал любое движение под толстым белым зимним одеялом полей и лесов, и молодому хищнику не составляло большого труда добыть мышшей-полевок. Но самой желанной его добычей в эту снежную пору стала боровая дичь. Джосуну понравилось охотиться на нее. Рыская по алаасам и перелескам, особенно по опушкам стыдливо поникших голыми ветвями березок, он находил в глубоких сугробах лунки, в которых в самые сильные морозы ночевали рябчики или тетерева. Задремавшие птицы слышали подкрадывающегося волка лишь в последний момент, и, когда они взлетали перед самым его носом, он хватал их прямо на лету. А иногда и вовсе давил спящих птиц в снежной норе, ставшей для них настоящей западней. Также молодой волк добывал любящих полакомиться корой тальника зайцев, подкарауливая длинноухих на краю алаасов и просек с густым подлеском и гоняя до изнеможения по их тропкам.

Но так было не всегда. И к весне, когда снежный наст основательно затвердел, а кое-где и вовсе обледенел и охотиться стало особенно тяжело, ни разу не добывший за зиму косуль или других крупных животных молодой волк заметно ослаб. В этот момент, словно почувствовав состояние старшего отпрыска, с верховьев междуречья появились родители волка. Кылбара, как некогда в детстве, срыгнула сыну еще окончательно не переваренного, почти целого тетерева, добытого по пути. И у него сразу просветлело в глазах. Старшие клыкастые хищники увели Джосуна на совместную загонную охоту.

Участь Кырыктааха

Минуло два года. Кырыктаах с волчицей, ступившие на тропу войны с двуногими, были по-прежнему целы и невредимы. Как ни старались охотники-табунщики добыть старого вожака, тот все время умудрялся перехитрить их и продолжал наносить людям чувствительный ущерб. Он при любом удобном случае нападал на табуны, отмечаясь каждый раз то задранной, то искалеченной кобылой. Хозяева безошибочно

определяли, кто это был, поскольку Кырыктаах оставлял на месте нападения характерные следы лапы без когтей. Старый волк понимал, что ему рано или поздно придет конец. И они с волчицей однажды привели щенков нового помета чуть ли не к логову Аарымы, а сами исчезли, будто их и не было. Расчет был прост: только под присмотром сильного и здорового вожака волчата смогут остаться в живых.

Когда обе волчицы из помета Кырыктааха миновали возраст се-голетков, они ушли вместе с Джосуном зимовать на другую сторону Большой речки. Кылбара была уверена, что их старший, прекрасно усвоивший навыки охоты в стае и с детства проявлявший способности будущего вожака, не пропадет сам и не даст в обиду любых членов своей стаи. Им как постоянное место обитания определили уголья, которыми раньше владел знаменитый вожак — старый Хосуун. Эта земля была родиной Кылбары. Младшего самца из отпрысков Матерого отправили зимовать на территорию давно знакомого Аарыме двуногого хозяина алаасных угодий и табунов лошадей, где в прошлом году зимовал Джосун. Ну а самая младшая волчица осталась жить с родителями до тех пор, пока окончательно не повзрослеет. Кылбара с Аарымой собирались показать ей за зиму свои обширные владения. Вот только они не учли, что на сопредельной территории обитает продолжающий лютовать Кырыктаах, что, конечно, никакой спокойной зимовки им сулить не могло.

После того как доморощенные охотники так и не смогли справиться с вконец распоясавшимся старым волком, жители наслега пригласили знаменитого волчатника. Об этом опытном охотнике ходили целые легенды. Он жил на другом берегу Великой реки. Утверждали, что его каждый раз благословляет на удачный промысел сам покровитель охотников и рыбаков Баай Барыылаах Байанай. Так и говорили: «Охотник, чьи ладони погладил Байанай».

Кырыктаах об этом ничего не знал. Однажды они с подругой решили наведаться к останкам не так давно задранной кобылы. Старый волк еще издали учуял, что там уже побывали люди, и догадался, что расставлены хитроумные капканы. Вроде тех, на одном из которых он лишился когтей. Но не отступился, а очень осторожно обошел все смертельные железные ловушки. Волчица шла за ним след в след, и они назло двуногим объели все останки кобылы подчистую. Приглашенный охотник, узнав об этом, объявил, что отныне будет промышлять исключительно один.

Неспешно, мышинным шагом, миновала макушка суровой зимы, когда казалось, что солнце замерзло в молочной стуже и теплых дней никогда больше не будет. Затем настала пора, когда на поверхность рек и озер вылезают обитатели загадочных водных глубин¹², дабы покуражиться-позабавиться, вмешаться в полную треволнений жизнь людей Срединного мира. Но остались позади и эти дни. И теперь узкая алая полоска, едва угадываемая сквозь стылый туман на восточной стороне

¹² По старинным якутским поверьям, с 14 по 19 января из водоемов выходят сюрлюккюны (водяные). Это время Танха, или гаданий.

небосвода, с каждым днем держалась все дольше. Что это значит, могут понять только люди, всю лютую зиму с нетерпением ждущие первых и оттого самых ярких и долгожданных проблесков лучей дневного светила. Никто еще солнца не видел, но всякий, у кого в жилах горячая кровь, уже внутренне радовался, ибо знал, что скоро мрак уйдет. Уйдут и вгоняющие в тоскливое уныние однообразные студёные дни.

Была ночь. Рассеянный свет луны пробивался сквозь легкую дымку тумана и избавившихся от снежного груза истончившихся облаков. Вдоль густых зарослей ивы, чьи тени растянулись на добрую четверть небольшой поляны, крался матерый волк. Он словно соткался из морозного воздуха, но оставлял характерные следы без когтей. Это Кырыктаах с подругой пришли проведать останки кобылы. Постаревшей волчьей паре без стаи становилось все труднее добывать быстроногих косуль, вот они и были вынуждены возвращаться к мерзлым объедкам задранных ими некогда детей Джёсёгея. Кырыктаах прекрасно понимал, что в этом таится огромный риск, но выбора у него не было, поскольку голодная смерть его не прельщала. Он долго стоял среди ив на краю поляны, прислушиваясь и принохиваясь к морозному воздуху. Старый волк, несмотря на возраст и часто застилающее разум чувство мести, инстинкт самосохранения в целом не потерял, был чрезвычайно осторожен и потому, наверное, был до сих пор жив.

В этот раз ничего опасного и подозрительного Кырыктаах не обнаружил. Были видны лишь следы одинокого жеребца, чуть углубившегося в лес, чтобы выкопать из-под снега замерзшую на корню зеленую отаву и полакомиться ей. Человеческим духом и страшными смертельными приспособлениями двуногих не пахло. Это вызвало у старого волка немалое удивление: он знал, что двуногие обычно со всех сторон обкладывают капканами поляну с жертвами нападения серых хищников, поскольку волки имеют привычку возвращаться, особенно в зимнее время, к еще не до конца объеденным останкам.

Благодаря присущим волкам уникальному нюху и памяти, за годы объявленной на него охоты Кырыктаах запомнил запах каждого здешнего волчатника и коневода-табунщика. Также он великолепно знал, как пахнет любой уголок его владений, каждый алаас и ётёх, каждый перелесок и распадок. И потому охотники не могли уничтожить запах капканов, натирая их травами и кореньями с других участков. Не помогали ни кипячение, ни другие способы устранения запахов капкана. Старому волку, прежде чем подбраться к останкам кобылы, достаточно было уткнуться мордой в снег поляны или алааса, чтобы освежить память, и далее он мог ощущать малейший привкус, даже чего-нибудь лежащего под снегом. Он никогда не попадался в самые хитро расставленные ловушки. Лишь однажды по неосторожности оставил когти в капкане. Больше таких оплошностей он не допускал.

Кырыктаах двинулся к опушке и при первом же шаге услышал хорошо знакомый лязгающий звук металлического капкана. Одновременно с этим левую переднюю лапу пронзила нестерпимая боль. С тех пор как волк лишился когтей на правой передней, он привык ступать сначала левой

ногой. Как же был противен и страшен звук сработавшей смертельной ловушки! Раньше капканы в лесу никогда не ставили... И в отчаянной злобе старый волк впился истертыми клыками в толстую металлическую цепь. Куда там! Теперь его некогда крепкие зубы даже трубчатую мозговую кость не могли перекусить. Кырыктаах оглянулся и зарычал, давая понять волчице, чтобы не приближалась к нему. А та оторопело смотрела на верного спутника и не знала, что делать. Она надеялась, что мудрый волк и в этот раз найдет какой-то выход.

Взбешенный тем, что его жизни приходит бесславный конец в каком-то капкане двуногих, Кырыктаах запрокинул морду и начал выть на равнодушную луну. Уже за полночь, когда угодившая в железные тиски лапа замерзла и кровь перестала течь, старый волк решил, что надо во что бы то ни стало перегрызть ногу и освободиться. На деле оказалось, что можно перегрызть только уже замерзшую и омертвевшую плоть. Но как только зубы доходили до еще живых нервов, все тело пронзала дикая боль и Кырыктаах чуть не терял сознание. Тогда он останавливался и опять ждал, пока свернется кровь и замерзшая лапа потеряет чувствительность. Уже начало светать, когда его клыки добрались до костей. Старый волк все еще надеялся перегрызть кость и уйти на трех лапах.

Когда узкая полоска алого света, отделяющая небо от земли, начала постепенно расширяться, вдали показался всадник. Вскоре застоявшийся морозный воздух содрогнулся от резкого звука выстрела...

Но это был еще не конец истории. Через несколько дней приглашенный охотник доставил в поселок окоченевшую тушу волчицы Кырыктааха. Она также угодила в капкан. Хитрый охотник, уверенный в том, что серая хищница видела, в каком месте попал в ловушку Кырыктаах, применил другую тактику. Он отказался от прежних методов расстановки капканов, а зарядил один-единственный прямо возле останков кобылы. Нестерпимый голод, притупивший внимание, а также отсутствие мудрого старого волка предопределили скорую кончину старой волчицы.

Приглашенный промысловик, про которого говорили, что ему благоволит покровитель охотников и рыбаков Баай Барыылаах Байанай, полностью оправдал возложенные на него надежды. Он положил конец бесчинствам серых разбойников, и местные коневоды-табунщики наконец-то вздохнули с облегчением. Как бы там ни было, Кырыктаах преступил неписанные законы жизни в тайге, потому от него отвернулся даже сам Джылга Хаан¹³.

Тем временем в наслеге вновь заговорили об Аарыме. Утверждали, что матерый волк теперь действительно стал добычей приглашенного охотника. «Оказывается, волк без когтей, который несколько лет терроризировал нас, — это и есть Аарыма. Он был совсем старым, зубы истерты вконец», — передавали жители из уст в уста. Рассказы подкреплялись распространяемыми через интернет фотографиями, где

¹³ Джылга Хаан — в мифологии народа саха божество, живущее на верхних ярусах неба, распоряжающееся судьбами людей и всего живого.

многие позировали рядом с убитым волком. Он, без всякого сомнения, был гигантского размера, и люди поверили, что охотник-волчатник добыл Аарыму.

Встречи

Когда морозы заметно ослабели, Аарыма решил проведать оставленного на зимовку молодого волка, своего младшего отпрыска. Напомним, что Матерый определил ему семейную территорию, где они до поры до времени обитали в мире и согласии с двуногим соседом, с чего и началась наша история. Заодно вожак решил заглянуть и к Джосуну. И вот теперь по старым хоженным тропам направлялся в знакомые места. Подходя к опушке очередного алааса, где некогда пришлые волки задрали кобылу двуногого соседа, Аарыма почувствовал запах оленей, принесенный холодным восточным ветром. Он тут же юркнул обратно в лес. Быстро сориентировался и, скрываясь за деревьями, подкрался к животным с подветренной стороны. Так и есть. В алаасе с заброшенным оросительным каналом паслось на берегу озера небольшое стадо.

Вдруг стоявший настороже вожак пустился в противоположную от волка сторону. Остальные олени тотчас последовали за ним. Аарыма лишь проводил взглядом ускользнувших прочь рогатых тонконогих. Он сразу понял, что не успеет переметнуться по уже глубокому снегу через заброшенный оросительный канал и догнать оленей до конца алааса. Вскоре на опушке леса со стороны жилища бывшего двуногого соседа показалась железная тележка на четырех колесах и уверенно двинулась вдоль леса по накатанной за зиму дороге. Она, оказывается, и была причиной внезапного бегства тонконогих рогатых.

Матерый волк еще по дороге сюда заметил в густом ельнике четырех молодых детей Джёсёгея, копытящих из-под снега зеленую отаву. Сейчас он догадался, что это были лошади бывшего соседа и двуногие направляются к ним, чтобы подкормить — подбросить сена из хозяйских припасов. Аарыма решил убраться восвояси.

Пройдя сквозь темный лес и пробежав по новой, прямой, как стрела, просеке, Аарыма подошел к Большой речке, недалеко от которой встретил табун двуногого соседа. Длинногривые стояли на небольшой поляне одни, без жеребят. Судя по всему, их хозяин уже давно разделил табун и пустил взрослых кобыл на вольный выпас. Вот сейчас они и занимались тебенёвкой — добывали корм из-под снега. Матерый волк знал, что люди начиная с середины зимы подкармливают любимых детей Джёсёгея сеном — укладывают на снегу маленькие копны из больших аккуратных огороженных стогов. В это время года все табуны обычно подтягиваются к лугам и алаасам поблизости от хозяйского жилья. Потому волк удивился тому, что встреченные им лошади находятся так далеко от родных мест. Какое-то время Аарыма, переваливший по годам за середину жизни, постоял в задумчивости, глядя на хорошо ему знакомого старого, но еще крепкого вожака

табуна, Туллая. Под его блестящей шкурой по-прежнему бугрились и перекатывались мощные мускулы, а густая темная грива колыхалась при каждом движении. Но годы брали свое, и табун его был не так многочислен, как в прежние годы. Да, были времена, когда Туллай и Аарыма, будто соревнуясь друг с другом и бросая вызов силам стихии, вздымали в лугах и алаасах круговерть снежных пластов из-под мощных копыт и могучих лап...

Однажды, когда Аарыма только начинал превращаться в матерого волка, он стал свидетелем эпической битвы молодого вожака и его старшей кобылы с тремя пришлыми волками. Серые хищники зажали большой табун лошадей, обживавших новые пастбища на лугу с редкими деревьями. Могучий каурый жеребец сбил в круг всех лошадей и, издавая грозное воинственное ржание, не давал нападающим приблизиться к табуну. Опуская иногда большую голову и дико вращая белками глаз, а потом резко вставая на дыбы, он бегал вокруг табуна. Рядом, по внутренней стороне круга, чуть сбоку и на полкорпуса позади вожака, носилась молодая кобылица молочно-белого окраса и тоже издавала громкое грозное ржание. Эта пара одним ударом мощных копыт могла раскроить череп любому волку, посмевавшему приблизиться к сгрудившемуся в центре поляны табуну. В случае чего жеребец с кобылицей могли пустить в ход и зубы. И мало никому бы не показалось. Хищники никак не могли подступиться к другим лошадям, стоявшим головой к центру круга. Те, в свою очередь, резкими ударами задних копыт пресекали любые попытки разбойников добраться до находящихся в центре живого круга жеребят.

В пылу охотничьего азарта один из волков сделал попытку вцепиться в горло кобылице, носившейся рядом с вожаком. Отчаянный прыжок был прерван неожиданным ударом гнедой лошади, стоявшей в защитном круге. Удар копытом пришелся по ребрам, отчего хищник, издавая отчаянный визг, подлетел в воздух. Не успел он приземлиться, как подскочивший каурый жеребец укусил волка за ушибленное место, содрав мясо до костей. Зализывая раны, серый хищник с трудом уполз на край поляны.

Второй волк сделал еще одну попытку напасть на кобылицу и тоже чуть не попал под удар стоящих в круге лошадей. Хищник в попытке увернуться от копыт неожиданно оказался перед каурым вожаком, успевшим укусить его пониже холки.

Чужаки, судя по выступавшим ребрам и тусклой лохматой шерсти, пришли из дальних краев и были не совсем удачливы в охоте. Об этом свидетельствовала и изначально неправильно выбранная тактика нападения, когда они не сумели сразу рассеять табун и отбить от него хотя бы одну лошадь. Но голод не тетка, и волки, постояв немного рядом со скулящим раненым собратом, вновь пошли на приступ. В этот раз они не стали нападать поодиночке, а кинулись вдвоем на вожака. Если бы они сделали так в самом начале, то был бы шанс, что хоть один из них нанесет чувствительные раны каурому жеребцу.

Молодому Аарыме совсем не понравилось, что какие-то пришлые разбойники вытворяют на его территории что хотят. Он решил продемонстрировать чужакам, что это его владения. Молодой волк поставит их на место, покажет, что нельзя нарушать законы тайги, нельзя охотиться на чужой территории на табуны, принадлежащие местным двуногим. Он издал воинственное рычание, вздыбил шерсть на загривке, оскалил острые клыки и, сверкая глазами, шагнул на поле смертельной битвы. Чужаки сразу распознали в огромном волке властелина этих земель. Отощавшие и ослабевшие за время скитаний чужаки поняли, что схватка с грозным местным хищником ничего хорошего не сулит, и поспешили убраться. Третий, тяжелораненый чужак поковылял вслед за ними, взвизгивая от боли на каждом шагу. Видимо, лошадь отбила ему печень, и долго он не протянет. Так оно и оказалось. Вскоре на берегу одного из ручьев Аарыма обнаружил, что изголодавшиеся хищники подкрепились раненым собратом и оставили от него лишь одни обглоданные кости.

Тем временем молодой каурый вожак, который только что защитил табун от нападения чужаков, остановил беспокойный бег и уставился на одинокого крупного волка. Он не знал, чего ожидать от него, но по-прежнему был готов биться до конца, спасая кобыл и жеребят. Высоко держа голову, конь с нетерпением переминался с ноги на ногу, и под его блестящей шкурой вновь бугрились мощные мускулы. Аарыма с уважением посмотрел на гордого жеребца, а затем решил тихо удалиться, чтобы не распугивать еще не успокоившихся лошадей. Пришлые серые разбойники могли затаиться и ждать подобного исхода, а затем напасть на разбежавшихся кобыл и жеребят. Тогда бы снег этого луга обогрился кровью не одного жеребенка, а весь гнев местных двуногих был бы направлен прежде всего на местного волка.

Это было первое знакомство хозяина лугов и алаасов могучего жеребца Туллая и властелина окрестных таежных охотничьих угодий матерого хищника Аарымы. С тех пор местный волк частенько видел каурого жеребца с густой темной гривой, полоской такого же окраса вдоль всего хребта и темными же ногами. Конь любил пастись чуть поодаль от своего табуна, внимательно следя за тем, что происходит вокруг. Если чувствовал какую-либо опасность, стучал передним правым копытом по земле, издавал короткое ржание, и этого было достаточно, чтобы весь табун тут же собрался в одном месте. А среди сотен отпечатков копыт лошадей можно было безошибочно угадать его большие круглые следы, глубоко вдавленные в землю или снег.

Аарыма всегда удивлялся прозорливости каурого вожака. Тот умудрялся держать свой табун подальше от серых хищников и бурых хозяев тайги. К назначенному природой сроку ожерёба — к марту¹⁴ — кобылы Туллая обязательно успевали перекочевать с дальних зимних пастбищ поближе к благословенным просторным алаасам, над которыми сизой лентой вился дым из трубы дома их хозяина. При

¹⁴ Март по-якутски — кулун тутар ый, буквально: «месяц получения жеребят».

дальних переходах вожак неизменно выбирал наиболее безопасные пути, в том числе и тропы вдоль больших дорог, от которых хищники инстинктивно держались подальше. Не случайно осенью за каждой кобылицей Туллая следовали жеребята на тоненьких ножках — все в целостности и сохранности. Со временем мускулистый жеребец привык к виду местного матерого волка. Видимо, нутром чувствовал, что тот никогда не тронет лошадей...

Аарыма при встрече со слегка постаревшим, как и он, могучим каурым жеребцом ненадолго погрузился в воспоминания. Но быстро очнулся и потрусил дальше по новой просеке. Затем, постепенно разогрев мышцы и разогнав по телу кровь, резко прибавил ходу.

По другую сторону Большой речки волчьих следов не было. Аарыма предположил, что молодые клыкастые могли уйти к лесистым возвышенностям с плоскими вершинами, пологими склонами и удобными для охоты многочисленными распадками.

До приближения по-настоящему теплых дней было еще далеко. Там, где сугробы не огрузнели и не превратились в крепкий наст, Матерый проваливался в глубокий снег. В поисках стаи Джосуна ему пришлось отмахать немалые расстояния по местам, где они с Кылбарой когда-то встретились и впервые вместе перезимовали, — по бывшим владениям почтенного вожака Хосууна...

Волк примечал все. Вот очередной луг, где паслись здешние лошади. Судя по их спокойному поведению, серых хищников здесь тоже не было давно. Кстати, отсюда совсем недалеко до широкой речной поймы, где старый вожак Хосуун достойно встретил конец своей долгой славной жизни. Аарыма решил проведать окрестности заливного луга, где на его с Кылбарой глазах разыгралась вечная драма жизни и смерти. Как только матерый волк заглянул на знакомый обширный луг, тут же из-за темных облаков выглянула полная луна. Она будто специально ждала этого момента и хотела напомнить Аарыме, как, освещенный таким же голубовато-желтым лунным мерцанием, он стоял на холме и оплакивал смерть Хосууна. Аарыма грустно склонил большую лобастую голову. И вдруг услышал знакомый радостный волчий вой. Это был Джосун! И этот голос, точнее, голоса раздавались совсем рядом. Волк оглянулся и разглядел на вершине холма тени трех волков. Все повторилось вновь! Его отпрыск и две волчицы, как когда-то он сам с Кылбарой, стояли на холме и на фоне полной луны казались вырезанными темными силуэтами. Глава волчьего рода ответил приветственным громким воем. Услышав это, все трое так быстро спустились с покатою сопки, будто кубарем скатились, и во весь опор помчались к старшему волку.

Сердце Аарымы вздрогнуло и учащенно забилося. Чтобы не выдать расправившее волнение, Матерый напустил на себя степенный, важный вид. Джосун, который был теперь вожаком небольшой стаи, уселся перед главой рода, а подружки улеглись по обе стороны от него. Вздрагивающие кончики хвостов и плотно прижатые уши выдавали

радость молодых волчиц и их готовность к полному подчинению. Главный вожак с гордостью посмотрел на сидящего напротив молодого вожака. У того был густой зимний мех, отливающий здоровым блеском, и внимательный взгляд все замечающего таежного хищника. Словом, Джосун напомнил Аарыме его самого в юности. А еще Матерому понравилось, что молодой вожак не улегся перед ним, пусть и главным вожаком всего рода здешних волков, а сидел напротив, как равный перед равным. И это было достойно уважения. Аарыма затаил радостный тойук¹⁵ долгожданной встречи, в котором выразил особую благодарность седой тайге и воздал хвалу дедушке Байаная за охотничью удачу своего повзрослевшего отпрыска. Его песнь была тут же подхвачена молодыми волками.

Под утро старый вожак попрощался со стаей Джосуна и перебрался обратно на свою сторону Большой речки.

Вскоре матерый волк уже ступил на земли бывшего двуногого соседа, где в прошлом году они с Кылбарой оставили зимовать молодого волка, младшего брата Джосуна. Решив пойти в обход зимнего пастбища табунов двуногого, которое располагалось недалеко от жилья, Аарыма обнаружил свежие следы оленей. Установил по запаху, что эти парнокопытные были теми же, что убежали от него и юркнули в лес вчера, испугавшись шума железной телеги. Поняв, куда они направились, опытный охотник пустился наперехват и вдруг наткнулся на следы своего отпрыска. Оказалось, что тот, как настоящий таежный хищник, не бежал за оленями след в след, а сопровождал их, держась на приличном расстоянии, и ничем себя не выдавал, выжидая удобный момент для нападения. «Молодец!» — подумал про себя главный вожак и решил подсобить молодому охотнику.

Олени, как и предполагал прекрасно ориентирующийся в этих краях опытный вожак, напрямик направились в один из распадков близ Большой речки. Аарыма резко прибавил ходу. По пути он специально пересек дорогу молодому волку, осторожно следующему за оленями, давая знать, что присоединился к охоте. Тот это сразу понял и время от времени начал коротким воем подавать сигналы Аарыме, в какую сторону двигаются преследуемые животные. Молодой клыкастый охотник за время самостоятельной зимовки хорошо изучил местность и теперь направлял оленей напрямик к песчаному крутояру с сосновым бором, расположенному в петле извилистой речки. И действительно, подойдя туда, он увидел главного вожака, встретившего его с прекрасной добычей — взрослой важенкой северного оленя. Они вместе исполнили победную песнь удачи. А затем молодой охотник, в ожидании, когда трапезу начнет опытный вожак, уселся чуть позади. Молча ждал, когда ему разрешат вкусить свежего мяса. Аарыма с одобрением заметил, что, несмотря на сильное чувство голода, молодой самец чтит законы волчьей стаи и уступает старшим первенство в еде. Но Матерый и здесь

¹⁵ Тойук — особое протяжное пение, исполняемое в торжественных случаях.

не выдал радости, а степенно распорол брюхо и начал есть. Только потом посмотрел в сторону молодого волка. Тот сразу понял, что теперь можно приступать к трапезе, мгновенно отделил острыми зубами заднюю ногу оленя от парящей на морозе туши, оттащил в сторону и начал жадно рвать на куски. Есть от старших в сторонке — это тоже неписанный закон волчьей стаи.

Аарыма остался доволен увиденным. Он убедился, что все его отпрыски, потомки волков алаасных лесов, хорошо устроены, правильно хозяйничают на доставшихся им территориях. Оставив большую часть недоеденной туши молодому охотнику, вожак попрощался с ним. Вскоре уже можно было видеть, как в свете полной луны по тайге несется тень громадного волка.

Младшая из отпрысков Аарыма и Кылбары создала пару с молодым самцом из стаи Кырыктааха, который еще щенком заблудился во время нашествия серых чужаков и рос один в дебрях тайги. Они отделились и стали осваивать бывшую территорию Кырыктааха, чья судьба сложилась так трагично.

Иногда во время массового кочевания оленей все стаи рода Аарымы собирались на большую совместную охоту. То же бывало и при загонном промысле лесных великанов — сохатых в дремучей тайге. Волки, которым достались алаасы и леса вокруг них, разбились на небольшие стаи с отдельными охотничьими угодьями. Но и они во время большой загонной охоты любят объединяться в одну крупную сильную стаю. Хищники сопредельных земель на их территории не вторгались.

Глава вторая

Битва за территорию

К северу от междуречья, где обычно охотился Аарыма, и даже еще дальше расположенных в том направлении наслегов были особо богатые на всякую дичь и зверье земли. Это прекрасно знал матерый волк, зимовавший в детстве в тех краях и сейчас заглядывавший туда время от времени.

Там настоящее царство бесконечной тайги, над которой стоит вечный гул, возникший, кажется, в изначальный момент сотворения Срединного мира и всего сущего на земле. При пристальном взгляде с высоты птичьего полета видно, что протекавшие здесь некогда великие реки обмелели или поменяли русла и в оставшихся после них вытянутых низинах возникло множество озер с кристально чистыми водами. Но и сейчас с вершин длинных увалов по мягким пологим склонам стекают многочисленные ручьи и ручейки. По проложенным за века замысловатым руслам они впадают в длинную извилистую Большую речку, а она и другие водные потоки, образуя обширную голубую сеть,

вливаются в Великую реку. Там, где русла рек пересохли или обмелели, образовались поистине благодатные края со множеством потаенных уголков, где найдется место огромным сохатым и маленьким лесным мышам, могучим медведям и проворным ласкам, пугливой кабарге и шустрым зайцам. В озерных и речных глубинах водятся разные рыбы, неутомный говор всевозможных пернатых не смолкает до поздней осени, а густо заросшие берега — любимые места обитания всякой мелкой дичи и живности. И все это в окружении елей и лиственниц и других деревьев вечной тайги, которые на крутых песчаных пригорках вдоль речек и речушек сменяются насквозь пронизанными солнечным светом сплошными сосновыми борами.

Неудивительно, что благодатные земли, где вольготно размножаются животные и через которые проходят иногда огромные стада диких северных оленей, представляют собой лакомые куски для хищников и являются территорией вечного раздора. Но разборки между местными волками вмиг отходят на задний план в минуты всеобщей опасности. Вслед за многочисленными парнокопытными детьми бескрайней тундры неизменно следуют настоящие серые разбойники, не признающие никаких законов тайги. Таежным волкам это не нравится, и они испытывают лютую ненависть к чужакам. Появление пришлых разбойников сплачивает вечно враждующие меж собой из-за охотничьих угодий стаи местных волков. Те объединяются, вместе защищаются от чужаков и нападают на них.

Волки алаасных лесов живут в стороне от сезонных страстей таежных хищников и чужаков. Однако некоторые из них помнят, как в былые времена они наведывались в благодатные уголья таежных волков и, пораженные их многочисленностью, спешно ретировались на свои тихие луга и поляны. Но даже за то короткое время, пока они были там, Байанай показал богатства тех краев.

Отец Аарымы относился к алаасным волкам. Родители Матерого познакомились во время брачной поры, когда молодые обитатели алаасов выбрали в ранее незнакомые таежные края. Аарыма там и родился. Но вскоре они вернулись в уголья главы семьи, в тихие алаасы и ётёхи с нежно шумящими лесами. Потом, видимо, волчица-мать настояла, и следующую зимовку они решили провести в ее родной стороне, где в унисон с вольными ветрами гудит-шумит великая тайга. Но это зимовье обернулось для них трагедией. Отец Аарымы погиб в неравной схватке. Мать с маленьким волчонком перезимовали, прячась от всех, в местности с бьющим из-под земли, никогда не замерзающим холодным родником. Они выжили благодаря тому, что в тех богатых на охоту угольях было полно всякой боровой дичи и зайцев. Но все же с наступлением теплых дней волчица-мать решила убраться подальше из этих ставших опасными для них мест. Они вновь перебрались в алаасы. Аарыма помнил детство и свою первую зиму. И как бы ни хотел иногда поохотиться в тех лесах, понимал, что многочисленные таежные волки встретят его семейство враждебно. А рисковать жизнью своих отпрысков он не хотел.

Но сейчас, когда большая часть жизни уже была прожита, старому вожаку все чаще и чаще снились счастливые моменты волчьего детства...

Однажды Аарыма и Кылбара собрали все стаи своих отпрысков. Большая объединенная стая удачно поохотилась на лосей и диких северных оленей у ближайших притоков Большой речки. Теперь хорошо отъевшиеся молодые волки отдыхали, устраивали от переизбытка энергии шуточные бои, которые иногда чуть не превращались в настоящие драки. Но возмужавший Джосун, ставший со временем копией отца, таким же матерым и сильным, мгновенно пресекал подобные выходы. Ему никто не осмеливался перечить. Достаточно было одного сурового взгляда, чтобы молодые тут же утихомирились. А вот старый вожак Аарыма, наоборот, подзадоривал молодых. Казалось, ему нравится наблюдать за их боевым настроением, готовностью к драке. Кылбара знала, что Аарыма неукоснительно соблюдает извечные законы тайги, уважает обычаи и традиции четвероногих предков и того же требует от остальных членов стаи. В последнее время она все чаще и чаще стала замечать в поведении супруга незаметные для остальных членов стаи изменения. И это беспокоило ее. Она, как всегда, в дела и решения вожака не вмешивалась. Однако чувствовала, что в их жизни грядут большие перемены.

Ближе к осени несколько стай вновь собрались вместе, чтобы, как думали молодые, поохотиться в хорошо знакомых местах у притоков Большой речки. Но в этот раз старший вожак в привычных охотничьих угодьях останавливаться не стал, а пересек границу территории таежных волков и двинулся дальше на север, в сторону других притоков. Он даже не обращал внимания на свежие следы лосей и оленей. Члены стаи, догадавшиеся, что им предстоит совсем другая охота, поневоле удвоили внимание и по безмолвному указанию главного вожака распределили роли. Разведать пути следования и предупреждать об опасности доверили самому резвому и наблюдательному молодому волку с верной подругой. Это был тот отпрыск, которому Аарыма отвел угодья рядом с бывшим двуногим соседом. Он привык быть постоянно настороже, и они с подругой прекрасно справлялись с возложенными на них обязанностями. Кроме того, большую стаю с бывшей территории Кырыктааха старший вожак разделил на две группы, следующие по бокам. Также предупредил остальных, чтобы никто ни на что не отвлекался. Так они и двигались на север единой грозной силой, готовые в любой момент к схватке с хозяевами земель, куда они вторглись.

Как только они прошли широкий лесной массив на пологой возвышенности и сквозь стволы могучих лиственниц показались едва различимые контуры какой-то речки, чуткие быстроногие разведчики дали знать, что на берегу их поджидают таежные волки. Старший вожак оставил позади небольшую группу самых сильных воинственных волков во главе с Джосуном, а сам повел вперед основной костяк стаи. Ждавшие в засаде многочисленные таежные волки тут же напали на них с двух сторон. Жестокая битва началась! Неожиданно в разгар

кровавой сечи на таежных хищников с обоих флангов напали молодые волки — отпрыски Кырыктааха — со своими волчицами. Но и у противостоящей стороны был резерв. Часть стаи, наблюдавшая за битвой с другой стороны речки, бросилась помогать сородичам. Тут вовремя подросли опытные волки Джосуна, прошедшие испытания в ходе постоянных стычек за охотничьи угодья на той стороне Большой речки. Они встретили переправляющихся через речку таежных волков прямо на берегу и дали им жаркий бой.

В результате битвы, в ходе которой пролилось немало крови с обеих сторон, объединенная стая отпрысков Аарымы вышла победителем. Воинственные таежные волки, никогда не уступавшие проходившим через их территории многочисленным чужакам, в этот раз испытали горечь поражения и были вынуждены бежать, оставив на месте битвы убитых и тяжелораненых сородичей. Их безраздельной власти в благодатном краю пришел конец. Над полем боя всю ночь звучала торжественная песнь победителей. В этом тойуке было все: и благодарность предкам, в чьих жилах смешалась кровь алаасных и таежных волков — и даже северных хищников, восхваление мудрого главного вожака и горечь утраты по павшим в сражении воинам-волкам.

Наутро, к удивлению членов стаи, они не закрепили своими отметинами завоеванные территории, а вернулись к одному из притоков Большой речки, где и оставили опознавательные знаки мочой и фекалиями, запахом пота. Они дали понять, что отныне это граница их новых земель.

Мудрый вожак понимал, что одержанной сегодня победой война с таежными волками не закончилась. Те обязательно захотят вернуть утраченные территории и привлекут для этого еще больше других волков из самых глубин вечной тайги. И потому Аарыма решил, что если его объединенная стая не отберет все охотничьи угодья, принадлежавшие ранее поверженным хищникам, а займет лишь достойную победителя часть земли вблизи своих бывших границ, то это будет вполне справедливым итогом кровавой битвы. Старший вожак был уверен, что с этим должны согласиться и таежные волки, и тогда не будет повода для дальнейших сражений. Однако на всякий случай на границах новых территорий были выставлены дозорные, а сама большая стая была разделена на четыре группы. Они расположились по отдельности, чтобы одновременно страховать друг друга и при этом избежать окружения всей стаи.

Ночью сильно подморозило. Под утро, когда все вроде было спокойно, Кылбара ушла сопровождать трех тяжело раненных волков в свое родное урочище, где росла целебная трава, которую в мире двуногих называют волчьей.

Волки Джосуна сопроводили волчицу-мать до Большой речки. А потом ушли проверить границы новых земель.

Стая Джосуна была особой надеждой Аарымы, его гордостью. Эти волки были с детства приучены к разным трудностям, в том числе и к сражениям с самым сильным противником. По сути, они, брошенные в бой

в последний момент, и решили исход всего сражения. Все как на подбор рослые и сильные, под стать старшему вожаку, эти серые казались неуязвимыми воинами. Но при этом беспрекословно признавали авторитет Джосуна. Именно поэтому Аарыма отправил эту сплоченную волчью гвардию разузнать положение дел на границе новой территории, где они оставили вчера свои опознавательные отметины.

Новый мир

Вечером явился вестник от Джосуна, давший понять, что стая славно поохотилась, добыла большого сохатого и теперь приглашает Аарыму и его волков на пир. В подтверждение гонец срыгнул большой кусок мяса, которым тут же угостили покалеченных в бою сородичей. И стая дружно двинулась в сторону новых земель. Впереди всех легкой рысцой бежал главный вожак Аарыма.

«Если нас вызвал Джосун и у него все спокойно, значит, таежные волки признали предложенные мною границы», — рассуждал мудрый волк. Действительно, участвовавшие в кровавой битве таежные хищники, доселе никогда не уступавшие чужакам, потерпели сокрушительное поражение и на деле убедились в том, что большой объединенной стаей победителей руководит мудрый вожак. Они признали новые границы охотничьих угодий. Отныне межа будет проходить между полем битвы и одним из притоков Большой речки, где стая Аарымы оставила опознавательные знаки. Таежные волки также обильно пометили свою сторону, давая понять, что новые границы пересекать нельзя. Это будет нарушением неписаных законов вечной тайги, за которое можно ответить жизнью. Так установился хрупкий мир.

Оставив нескольким молодым волкам уголья в привычных спокойных алаасах с тихими лесами и перелесками, основная часть большой объединенной стаи перебралась в новые, богатые всякой живностью земли. А стая Джосуна направилась в прежние места обитания.

...Возвратившаяся с родных урочищ Кылбара, блестя здоровой роскошной шубой, возлежала возле Аарымы, чутко прислушиваясь к разным таежным звукам. Она размышляла об участи раненых в жестокой схватке волков, которые сами должны определить свою дальнейшую судьбу. Кто-то останется с новым молодым сильным вожаком, а кто-то окажется не готов принять его крутой, суровый нрав и вернется под опеку мудрого Аарымы.

Уживутся ли их отпрыски на новых землях, где всяк с горячей кровью ежедневно борется за жизнь? Детям алаасов, где, успокаивая душу и сердце, гуляет легкий ветерок, где шелестом нежных листьев ласкают слух березовые рощи, где зеркальную гладь озер волнуют серебряно-чешуйчатые рыбы, это будет непросто. Новые уголья — это могучие кряжистые лиственницы и готовые схватить колючими лапами обомшелые ели. Это огромные, без конца и края, опасные пространства, где главное — не дать себя застигнуть нежданному несчастью. Пустят ли здесь молодые волки корни, появятся ли на новой

ветви вечногo древа жизни здоровые и упитанные волчата, которым ничто не угрожает? Кто знает...

Под пологом могучих деревьев, пробивая дорогу в густом ковре из мхов и лишайников, струился, никогда не умолкая, крохотный ручеек с прозрачно-чистой ледяной водой. Он с юга впадал в приграничный отныне приток Большой речки. Если сквозь частые увалы подняться вверх по течению, то на самой высокой сопке можно было увидеть будто вытолкнутый кем-то из недр самой земли маленький островок соснового бора. Там, из-под массивного округлого валуна, и начинал свой путь этот крохотный ручеек, рождаясь от родника. А образовавшаяся в морозы ледяная горка от непрерывно бьющей хрустально чистой воды не оттаивала до самой середины знойного лета. У испившего этой чудесной воды прибавлялось сил, к нему приходило успокоение, прояснялись его мысли.

Вокруг массивного валуна за сотни тысяч, а может, даже миллионы лет образовалось множество небольших каменных пещер. Видно, немало воды утекло, прежде чем возникли эти запутанные загадочные лабиринты. Почему-то все сторонились весьма необычных для этих краев природных образований. Обходили их стороной и охотники. Но именно здесь, укрываясь и прячась от всех, волчица-мать провела с маленьким Аарымой первую зиму после гибели их главы семьи. Быть может, поэтому главный вожак, вспомнив детство, решил устроить там логово своей небольшой стаи. Это чрезвычайно удобное со всех точек зрения место. Отсюда, с вершины самой высокой сопки, хорошо наблюдать за тем, что происходит в окрестностях. В каменных лабиринтах легко укрыться от охотников, хищников, пронизывающих ветров и холодных дождей. И неподалеку течет ручей со множеством распадков, сулящих удачную охоту.

Аарыма с Кылбарой обосновались за массивным валуном, из-под которого и бил незамерзающий родничок. Если первый вход в каменную пещеру скрывали сплетенные корни могучей сосны, то второй был прикрыт густым тальником и совсем незаметен снаружи.

С Аарымой и Кылбарой на новое место переселились еще три молодые волчицы. Две из них были из распавшейся стаи Кырыктааха. Они долго скитались, пока не попали под крыло Аарымы. Еще одна самка, следовавшая со своей стаей вслед за оленями, чуть не погибла в схватке с местными волками и потом также прибилась к Аарыме. Этим трем юным хищницам невероятно повезло — они попали под мудрую опеку главного вожака. Сызмальства привыкшие к вольной жизни, где все решает грубая сила, они под руководством Аарымы чуть ли не впервые начали усваивать вечные законы тайги, учились ставить на первое место интересы стаи. Теперь они беспрекословно подчинялись Аарыме как вожаку стаи, а к Кылбаре относились с огромным уважением, воспринимая ее как старшую волчицу-мать.

Время от времени навестить старшего вожака приходили и оставшиеся в алаасных лесах, и обосновавшиеся в таежных дебрях молодые волки. Они с удовольствием принимали участие в совместной охоте.

Немного тревожило, что давно уже не было никаких вестей от Джосуна. Аарыма успокаивал себя тем, что возмужавший и физически окрепший Джосун достойно возглавляет стаю, что все они сыты и здоровы и потому лишний раз не показываются. И вполне вероятно, что они сами издали следили за тем, как живет собранная с миру по нитке новая стая отца с матерью.

Таежные волки, чьи ряды значительно поредели после кровавой битвы, исподволь наблюдали за новыми соседями и испытывали невольное уважение к их умению приспособливаться к любым условиям. Мудрый вожак поступил очень разумно, не став претендовать на большую часть территорий, которые его волки могли занять как победители. Они взяли лишь земли, которые спокойно прокормят их стаи с будущими отпрысками. И это устроило побежденных, которые приняли предложенные границы, поскольку понимали, что в закромах Баай Барыылаах Байаная живности хватит на всех.

Схватка с косолапым

Однажды впервые перезимовавшие на новых территориях волки в полной мере ощутили присутствие в тайге могучего зверя, считающего себя полноправным хозяином этих земель. Случилось это весной, в пору схода снега, когда даже серые хищники с острыми клыками устали от бесконечно длинных холодов.

Потеплевший воздух пах талой водой. Широкие холмы наполнились волнующим гулом деревьев. Снег почти сошел и с самых высоких холмов с пологими склонами. Уже были явственно видны прошлогодние кусты толокнянки, будто пытавшиеся разгрести обильно опавшую сосновую хвою, чтобы поскорее выйти на свет. Блестели замерзшие за ночь лужи в ямках почти полностью почерневших склонов и небольшие пласты обледеневшего снега у основания буреломов. Скоро начнут зеленеть нежные кисти лиственниц, на которых распустятся волшебные красно-розовые бутоны, и тайга наполнится неизъяснимыми ароматами, от которых закружится голова. Невероятную свежесть прозрачного воздуха дополняли терпкие запахи различных кустарников, растущих вдоль многочисленных рек и речушек. На фоне описанного пейзажа резко выделялась большая сверкающая наледь — результат неутомимой зимней работы вытекающего из-под массивного валуна родника.

В эту пору несмолкаемого гомона счастливых птиц и всякого зверья из берлоги выбрался припозднившийся нынче медведь. С ним заодно пробудился от длительной спячки шустрый бурундук и уже вовсю верещал и носился как угорелый.

Косолапый первым делом испил ледяной родниковой воды, чтобы побыстрее избавиться от фекальной пробки, образующейся перед зимней спячкой. Затем успокоил затрепыхавшееся сердце новой порцией холодной воды и, почувствовав голодное урчание пустого желудка, направился вверх по течению ручейка на поиски чего-нибудь съестного.

Медведь почти сразу наткнулся на кусты голубики с сохранившимися кое-где гроздьями прошлогодних поздних ягод. Пока он хватал пастью голые кусты с редкими ягодами и облизывал их, вдруг почувствовал запах, от которого у него мигом вздыбилась шерсть. Ведь запах смертельного врага — клыкастого серого хищника с густым пушистым хвостом — не спутаешь ни с чем. Это была молодая волчица из клана северных хищников, еще не совсем отошедшая от истощающего силы брачного периода и потому оставленная Аарымой и Кылбарой охранять логово. Она, уютно свернувшись калачиком на прогретом весенним солнцем массивном камне, заснула прямо на посту. Ей снился полный приключений мартовский гон и красивый молодой волк-крепьш из стаи таежных хищников. В это время остальные члены стаи Аарымы, не слишком удачно поохотившись невдалеке на боровую дичь, возвращались в логово. Было не то время года, когда волки могли спокойно охотиться на спящую в глубоких снежных лунках дичь. Глухари, тетерева и рябчики уже восседали на толстых ветвях лиственниц и чуть ли не презрительно разглядывали пробежавших мимо раздраженных невозможностью достать их хищников. Лишь рано свившие гнезда пары, которые в попытке увести волков от кладки изображали еле летающих птиц, частенько попадали к серым в пасть.

Изголодавшийся за время спячки медведь обнаружил источник запаха и тотчас решил проломить голову спящего заклятого врага. Раскачивая широкими мускулистыми бедрами, косолапый тихонько приблизился к ничего не подозревающему переярку. Молодая волчица проснулась оттого, что в ее сладкий сон с красивым волком-крепьшом проник какой-то смрад. Она обернулась в сторону, откуда слышались звуки, будто кто-то дышал в большую пустую посудину, и увидела, что к ней приближается какой-то лохматый рыжеватый мешок. Медведь заметил, что волчица проснулась, и сделал несколько мощных прыжков в ее сторону. Не успела серая удивиться молниеносности движений массивного зверя, как перед ней уже возникли черные пуговицы злых глаз и красная пасть, полная острых клыков. Волчица едва успела отскочить в сторону. От досады бурый тойон¹⁶ стукнул когтистой лапицей по камню, где только что лежал его враг, и издал пронзительный рев, отозвавшийся в тайге долгим звучным эхом.

Стая уже приближалась к своему каменному логову, когда услышала пронзительный рев хозяина тайги. Он сопровождался треском ломаемых деревьев и прочими звуками яростной схватки. Аарыма и другие члены стаи вмиг догадались, что с оставленной охранять логово молодой волчицей что-то случилось. Они во весь опор устремились в сторону звуков.

Хозяин тайги, уверенный в том, что сейчас прихлопнет спящего врага, испытал настоящую ярость, когда серая ускользнула буквально из-под носа. Взбешенный медведь начал гонять по всему лесу заклятого врага с густым пушистым хвостом. Но ловкую хищницу просто так в угол было не загнать, и потому разъяренный косолапый, носясь за ней,

¹⁶ Тойон — господин.

с диким рыком ободрал и переломал немало деревьев. Когда с шумом и треском они добрались до густо заросших лиственницами холмов, в какой-то миг медведь успел заметить, что прямо на него, оскалив острые клыки, летит в прыжке матерый волчище. Удивленный косолапый хозяин тайги опрокинулся было на спину, но тут же ловко извернулся и встал на лапы. И в этот момент над самым его ухом лязгнули мощные челюсти огромного волка.

Только сейчас до косолапого дошло, что он оказался в окружении целой стаи. И тогда медведь, не обращая внимания на вцепившегося в него серого, вырвал с корнем крепкую молодую лиственницу и огрел нападавшего. Но тот был слишком близко, и не получилось размахнуться так, чтобы удар причинил волку серьезный вред. И все же нападавший разжал зубы и отскочил в сторону. Медведь, знавший, как защищаться в таких случаях, прислонился спиной к могучей лиственнице и, приседая, стал сверху вниз наносить удары вывороченным с корнями деревом по хвостатым хищникам. Хоть он и не попадал по врагам, но попыток вцепиться в него резко стало меньше. Вместе с тем косолапый понимал, что против пятерых взрослых, имеющих опыт в сражениях волков ему не устоять. Рано или поздно он устанет и допустит оплошность, которую серые ему не простят. Вокруг него, оскалив острые клыки и вздыбив шерсть на загривке, в ожидании только им понятного сигнала от опытного вожака, стояли готовые к нападению члены дружной волчьей стаи.

Настал решительный момент схватки. Но вдруг, не переставая скалить зубы, стоящий перед медведем матерый волк начал постепенно отходить. Другие последовали его примеру и тоже тихонько попятились. Косолапый хозяин тайги, получивший недвусмысленный знак, что может быть свободен, дождался, когда волки отойдут на достаточное расстояние, и, тяжело и устало переваливаясь, направился вглубь тайги.

Матерый вожак и в этот раз показал свою мудрость. Хоть он был уверен, что стая выйдет победителем из этой схватки, он знал и то, что косолапые хозяева тайги, как любые крупные хищники, чрезвычайно злопамятны. А он не хотел многолетней кровной мести, когда родственники местного топтыгина начнут охоту на их стаю. Хватит двух-трех косолапых, чтобы от волчьей стаи ничего не осталось. Ведь медведи весьма искусные охотники, умеющие устраивать самые настоящие засады. Они только с виду кажутся медлительными увальнями, но на самом деле очень быстры, изворотливы и развивают приличную скорость. И еще Аарыма, конечно, думал об отпрысках, только начинающих самостоятельную жизнь, и безопасности их маленьких щенят. Старший вожак надеялся на то, что отпущенный им медведь по достоинству расценит его поступок. Косолапый убедится в том, что сильная стая уважает и чтит законы тайги, и должен будет признать, что именно он сам чуть не стал зачинщиком вражды.

Там, где много всякой живности, там и хищников больше. Поэтому Аарыма и его стая решили, что отныне не будут охотиться поодиночке и что сторожить места остановки и тем более ночевки будут два охранника.

Загадочные следы

Наступила поздняя осень — пора великого промерзания земли, когда та еще не успела укрыться молочной пенкой густого снега. После первых сильных морозов слышно было, как трещала разрываемая холодом влажная почва. Треск стоял и над голыми льдами алаасных озер.

Как бы хороша ни была для дальних передвижений рано промерзшая без снега земля, укрытые тонким льдом родники и ручьи представляли опасность для тяжелой техники двуногих. Но скоро природа исправилась и все стало на свои места: завьюжило, запуржило и с небес повалили густые хлопья снега, которые шли безостановочно несколько дней и ночей. Сбылась мечта коневодов, желавших, чтобы скорее выпал снег, который поможет им в поисках табунов.

Как раз в такую пору прежние соседи Аарымы приехали на своем четырехколесном железном коне в ётёх, где у них была расположена конебаза со всеми необходимыми строениями. Первым делом растопили печь и, пока дышавший подвальным холодом дом отогревался, наведались в сопредельный алаас — там паслись кобылы из табуна уже немолодого вожака Туллая. Заперли их в большой просторный загон. Впоследствии уже оттуда отберут и переведут в маленький крайний загон необходимое количество детей Джёсёгея. Именно так каждый год начинается подготовка к традиционному осеннему забою жеребят, нагулявших за лето необходимый жир и вес. Сам забой происходит обычно в конце октября или начале ноября, с наступлением крепких морозов. В простых и очень будничных поступках участников этого события заключен особый смысл, дошедший до нас из глубин веков.

Отряхнувшись от снега, мужчины вошли в уже успевший наполниться теплом дом, где совершили привычный обряд кормления духа огня¹⁷ и только затем уселись за стол. Согревшись горячим чаем, начали делиться новостями: кто что видел, заметил, узнал, где могут находиться другие табуны...

— Опасный сосед у нас завелся, — сказал старший из трех братьев, приехавших с хозяином дома, всегда говоривший серьезно и вдумчиво. — По пути заметил следы волка. Видимо, решил поселиться в наших краях.

— Похоже, действительно волчьи следы. Совсем молодой. Было бы хорошо, если бы он не поселился здесь, — поделился мнением средний, самый высокий из братьев.

Самый младший и самый неразговорчивый недоуменно поднял голову: мол, ты о чем?

— Этот серый, с маленькими аккуратными следами, уже давно обретается здесь, — откликнулся хозяин дома, мужчина в возрасте. — В первый раз заметил его следы на просеке, потом стал натывать на них

¹⁷ *Дух огня* — в якутской мифологии старик с длинной белой бородой, которого зовут Бырджа Бытык Хатан Тэмиэрийэ. Любое более-менее значительное действие начинается с обязательного ритуала кормления духа огня.

все чаще и чаще. Давеча он охотился на боровую дичь на опушке алааса, и я еще подумал тогда: какая крупная лиса. А это, оказывается, был он. Но самое занятное — этот волк, судя по следам, совсем не растет...

Хозяин конебазы, бывший двуногий сосед Аарымы, дивился неспроста. Волк с маленькими лапами объявился в этих краях уже несколько лет назад. Но, судя по следам, он действительно совсем не рос. Каждый год оставлял отметины одного и того же размера. Маленькие, аккуратные отпечатки. У владельца конебазы, видевшего наяву гигантские следы настоящего матерого волка, они вызывали какое-то странное чувство неудовлетворенности. Досаду, что ли. Будто сам Байанай хотел оскорбить его этими волчьими метками. Но откуда было человеку знать, что после того, как Джосун перезимовал тут один, каждый год главный вожак отправляет сюда с новых территорий другого юного волка. Спустя год его сменяет другой. И так несколько лет подряд. Аарыма знал, что делает: его бывший сосед — справедливый двуногий и ни в чем не повинных волчат преследовать не будет. Этим старший вожак и поставил двуногого в тупик, задав ему неразрешимую задачу. Хозяин конебазы за то, что обладатель маленьких лап не покушался на лошадей, да и людей обходил на почтительном расстоянии, прозвал его «порядочным волчонком».

И в этот раз следы, которые видели люди из усадьбы, принадлежали прибывшему недавно юному волку. Не будет преувеличением сказать, что именно здесь вчерашние щенки из стаи Аарымы проходили настоящую суровую школу жизни. Они учились терпеть голод, даже когда нещадно урчит в желудке. Учились держаться подальше от табунов двуногих и избегать соблазна нападать на спящих жеребят. Учились умению охотиться в одиночку — бесценному навыку, который пригодится им всегда и везде. А тот, кто не сможет выдержать невзгоды, не совладает с чувством голода, затуманивающим ум, не научится добывать пропитание в одиночку, тот, разумеется, в Среднем мире долго не протянет.

А еще хозяин усадьбы недоумевал из-за того, что Аарыма исчез столь неожиданно. Будто в воду канул. Непохоже, чтобы он обитал где-то рядом. Но время от времени хозяин слышал различные рассказы. То кто-то из охотников видел большущего зверя в тайге. То в соседнем наслеге не менее матерый волк, оставивший в капкане когти, после того, как люди перебили всех волков стаи, задрал в отместку много кобыл. Были и подробности. Мол, местные жители в течение долгого времени не могли найти управу на хищника и были вынуждены пригласить охотника-промысловика со стороны, который и добыл серого разбойника и его волчицу. Тот самый волк без когтей выглядел на фотографии настоящим монстром. Но хозяин конебазы думал, что волк со снимка — это не Аарыма, у которого окрас шкуры был гораздо светлее. Он был уверен, что бывший четвероногий сосед хоть и хищный зверь, но не такой кровожадный. Все рассказы никак не вязались с долгим мирным сосуществованием человека и волка. Если бы тот волк был столь беспощаден к табунам длинногривых, то это рано или поздно коснулось бы и кобыл хозяина усадьбы. Но ничего подобного не случилось. Аарыма, которого он знал, любил тихую, спокойную жизнь

в соответствии с законами тайги. Из головы хозяина не выходили слова знакомого охотника-соболятника, поведавшего однажды, что видел в верховьях Большой речки следы огромного волка.

Бывший двуногий сосед Аарымы, как только навевывался в эти края, сразу вспоминал матерого волка. Почему-то ему хотелось, чтобы тот был жив. Каждый раз, когда в мессенджере выкладывали очередную фотографию большого хищника, у него сжималось сердце. Он был уверен, что когда-нибудь Аарыма обязательно вернется в родные места. И тогда человек и волк обязательно встретятся. А если Матерого не станет, то не станет и какой-то очень важной частички души человека...

Порядочный волчонок

Небо, только вчера затянутое низкими плотными облаками, с которых землю обсыпало толстым слоем зимнего снега, сегодня прояснилось и окрасилось в нежно-лазоревого цвета. Солнце уже показалось из-за вершин деревьев и вскоре озарило ярким до боли в глазах светом новый белоснежный наряд Срединной земли. Ночью стих и пронизывающий, колючий холодный ветер. Чувствовалось лишь слабое движение воздуха с юга. На ближайшей к западному краю алааса огромной лиственнице несколько белок, беспрестанно вереща, устроили веселые игрища. В такой день одетый по зимней погоде человек, даже слегка подвигавшись, сразу начинает покрываться испариной.

Для мужчин, собирающихся вместе один раз в год на традиционный осенний забой жеребят, настал долгожданный день. Наскоро перекусив, они дружно выдвинулись к вчерашнему табуна, запертому в большом загоне, и переместили животных в меньший, чтобы отобрать нужных. Оставили несколько самых здоровых самок для будущего приплода. Старые кобылы, уже привыкшие, что у них каждый год отнимают жеребят, довольно спокойно отнеслись к этому. Пришлось повозиться лишь с двумя кобылицами-первородками, отчаянно не желавшими расставаться с полугодовальными сосунками. Завершив отбор, люди вернулись в дом, чтобы основательно позавтракать, прежде чем приступить к работе, требующей ловкости и сноровки, физической силы и крепких нервов. Заодно уточнили и план дальнейших действий. Самый старший, бывший сосед Аарымы, отправится на поиски табуна другого жеребца. Братья останутся на забое.

Работа началась. Уже проведавшие о предстоящем пиршестве два местных толстоклювых черных ворона, изредка крухая, будто торопя людей с угощением, не спеша пролетели над местом будущего действия. Бывший сосед Аарымы, словно чувствуя что-то, решил не брать собак. Сел на старую гнедую лошадь, уже много лет верой и правдой служившую ему, и направился в сторону западных ворот изгорода.

Обойдя большой соседний алаас с глубоким озером, хозяин усадьбы вышел через восточный мыс на такой же обширный сопредельный луг. Но и там никакого табуна не было. Тогда по едва приметной тропе,

петляющей по лесистой возвышенности с пологими склонами, он добрался до следующего алааса с одинокой сосной. Именно здесь он видел Аарыму в последний раз. Раньше тут было два отдельных озера, которые со временем слились в одно. Он пустил гнедого по восточной стороне алааса, где на длинном холме, растянувшемся вдоль острова и заросшем разными видами деревьев, были остатки ётёха. Когда гнедой ступил на заброшенную пашню, стоявшие за островом четыре оленя пустились вдоль ручья. Но как только они забежали в лес, послышалась какая-то непонятная возня. Весьма озадаченный, всадник под прикрытием деревьев подъехал поближе. Затем спешился, привязал гнедого к лиственнице и с ружьем наизготовку сделал несколько осторожных шагов в сторону непонятного шума. И тут же увидел оленя, старающегося встать на ноги и падающего вновь. «Напоролся на сук, что ли, — подумал человек удивленно. — Как это? Чтобы олень напоролся на дерево — такого даже в сказках не бывает. Что бы это значило?» В конце концов решил, что надо прекратить мучения живой души, и одним метким выстрелом положил конец бесполезным попыткам жертвы подняться на ноги. Меняя на ходу патрон, добрался до дергающегося в предсмертной агонии животного и только тогда понял, что вмешался в чужую охоту. Сухожилия задних ног оленя были разорваны — явно волчьими клыками. Почувствовав близкое присутствие таежного хищника, хозяин усадьбы внутренне напрягся. Быстро огляделся по сторонам, но ничего не заметил. «Неужели волк оставил добычу из-за меня?» — подумал он. Чуть успокоившись, достал бинокль и внимательно осмотрел густые кустарники, сугробы у подножия деревьев и присыпанные густым снегом буреломы. И вскоре в просвете торчащих во все стороны корней сваленной ветром большой лиственницы уловил какое-то движение. Так и есть! Это была голова волка. Хищник также вглядывался в его сторону. Были видны торчащие уши и черные блестящие глаза. «Неужели Аарыма?» — подумал человек и почувствовал, как неожиданно гулко забилося сердце.

Удивляясь самому себе, бывший сосед Аарымы внимательно разглядел волчью голову и понял, что обознался. Это был другой хищник. Совсем маленький, даже миниатюрный какой-то. «Так это, наверное, и есть тот самый порядочный волчонок с маленькими аккуратными отпечатками», — догадался человек и сразу успокоился. Отложил в сторону ружье, достал нож и перерезал оленю горло. Пока вытекала кровь, о чем-то задумался и улыбнулся. Затем ловко вырезал из задней ноги большой кусок мякоти — на один хороший обед. Так же не спеша достал рюкзак. Вынул из пластикового пакета пару бутербродов и взамен засунул только что отрезанный шмат оленины. Один кусок бутерброда с колбасой положил чуть поодаль от оленьей туши на чистый снег. И все это время следил краешком глаза за «порядочным волчонком», прячущимся в буреломе. Судя по торчащим шевелящимся ушам, можно было догадаться, что юный серый хищник с удивлением наблюдал за происходящим.

Затем, специально повернувшись в сторону сваленной ветром лиственницы, человек достал из рюкзака компактный термос, налил

в крышку горячий чай и сделал несколько глотков. И так же спокойно, не переставая улыбаться каким-то своим внутренним мыслям, собрался и закинул за спину рюкзак. Половину оставленного волку бутерброда с колбасой он положил у подножия кряжистой лиственницы и тихо воздал благодарение Баай Барылаах Байанаю. Вновь повернулся в сторону прячущегося волка и произнес только что придуманное обращение по случаю удачной охоты:

— О-о, великий сын седой священной тайги
С длинным хвостом, косматой шубой, острыми клыками!
Оказавшись по велению Баай Байаная на одной охоте с тобой,
Взял только то, что положено мне.
И делюсь я взамен снедью своей.
Прошу тебя, быстрогоного, не сердать на меня.
Все остальное — по закону тебе.
Алакы!¹⁸

Все это бывший сосед Аарымы произнес нарочито громко. Удивился, что от его голоса, эхо которого пронеслось по всему алаасу, волк не убежал куда подальше, а продолжал таиться и следить за необычным двуногим. «Видимо, действительно совсем еще волчонок. И любопытство взяло верх над страхом», — сделал человек окончательный вывод. Взял в руки ружье и если раньше шел, прячась за деревьями, то сейчас напрямик направился по снежной целине к привязанному гнедому.

Молодому волку, прозевавшему из-за охотничьего азарта приближение двуногого, которому он ни в коем случае не должен был показываться на глаза, было не по себе. К жертве совместной охоты он подошел, лишь когда человек удалился на почтительное расстояние. На снегу лежало что-то незнакомое, издающее невероятно соблазнительный запах, от которого у серого поневоле потекли слюнки. Но осторожный от рождения хищник пересилил желание попробовать еду, оставленную странным двуногим, и начал жадно рвать мясо со стороны, где шкура уже была отделена от туши.

Двуногий сосед Аарымы верхом на гнедом коне пересек небольшой ручей и по знакомым только ему тропам перебрался через небольшие увалы. Вскоре перед ним открылся вид на совершенно круглый алаас. Здесь хозяин и обнаружил искомый табун, возглавляемый черным, как уголь, жеребцом с пестрыми ногами. Скоро он уже пригнал табун на широкий луг рядом с домом и связался по рации с братьями, которые спешно открыли большие ворота и помогли направить кобыл сразу в нужный загон. Все получилось как нельзя лучше.

За вечерней трапезой, когда мужчины с удовольствием вкушали нежнейшее мясо нового забоя, хозяин усадьбы рассказал о совместной с молодым волком охоте. Братья, хотя всегда доверяли старшему, выслушали его с некоторой долей скепсиса. Уловив это, он вышел во двор

¹⁸ *Алакы* — радостный возглас, знак удовлетворения, восхищения или заключительная точка какого-нибудь обрядового обращения.

и занес начинающий коченеть большой кусок оленины. Все оживились. От бывшего недоверия не осталось и следа. Свежая оленина тут же отправилась в кастрюлю и превратилась в закуску. Парни заставили хозяина дома рассказать в подробностях все, как было, и сопровождали повествование комментариями и предположениями. Один шутя спрашивал, знают ли волки охотничьи законы. Другой задавался вопросом, почему старший не взял половину туши, если это была совместная добыча. А третий и вовсе удивлялся, мол, как это старший, зная, что рядом хищник, преспокойно разделал оленя и поделился с волком добычей. В общем, весь вечер только это событие и обсуждали. Отныне люди будут вспоминать о нем долгие годы, собираясь вместе в день забоя жеребят.

Нежданные гости

Поучаствовавший невольно в «совместной охоте» с двуногим молодой волк еще не знал, какие трудности суждено ему испытать во время длинной суровой зимы. И самая главная из них — охота в одиночку. Но если он пройдет все испытания, то следующей осенью предстанет совсем другим хищником. Сильным и уверенным.

Хотя волк и знал, что двуногий уже давно ушел, звериное чувство опасности заставило его оторвать от туши лишь небольшую часть и быстро оттащить в укромное место. Он боялся, что человек мог вернуться в любой момент. И лишь там, за буреломом, более-менее спокойно распробовал свежее мясо.

В это время к добыче, словно к специально накрытому для них столу, слетелись вездесущие вороны. Сначала прилетел один. Затем появились еще две птицы. Черные крылатые обитатели тайги уселись на ближайшей к туше кряжистой лиственнице и уже оттуда изучили обстановку, зыркая вокруг все замечающими глазами. Только убедившись в безопасности, слетели вниз и начали долбить острыми клювами застывающую плоть.

Доев утащенный в бурелом кусок мяса, волк увидел, что черных птиц, пирующих на дармовщинку, стало еще больше. И он вновь устремился к туше. Вспугнутые серым хищником вороны дружно взлетели, уселись на нижних ветвях ближайших деревьев и уже оттуда, поглядывая вниз на серого, начали издавать различные неодобрительные звуки. Мол, жалко ему оленины. Впрочем, умные птицы, знающие, где находится самая жирная и вкусная часть туши, сразу выпотрошили покрытую жировой сеткой толстую кишку. Волку от нее досталось лишь то, что не успели доесть крылатые гости. А еще — исходящие на морозе паром печень и сердце.

Утолив первый голод, молодой хищник отделил от туши заднюю ногу. И вновь оттащил в бурелом, где принялся есть мясо и с наслаждением грызть и обсасывать трубчатые кости. Вороны тут же слетели вниз и, толкаясь, словно сварливые покупатели на рынке, продолжили лакомиться бесплатным угощением. Волк уже спокойно поглядывал на расшумевшихся непрошенных гостей. Приметил, что всеми заправляет

иссиня-черный ворон с длинным кривым клювом. В одном из крыльев у него не хватало большого махового пера. Если он был чем-то недоволен, то резко насакакивал на сотрапезников, и те сразу отходили в сторону.

Когда отпрыск Аарымы вновь вернулся к туше за еще теплым мясом, ворон резко взлетел. Птица как раз перед этим заметила чуть в сторонке бутерброд с маслом и колбасой, подскочила к нему и схватила острым клювом чужое угощение. Именно в этот момент ее вспугнул неожиданно появившийся волк, и, взлетая, она недовольно каркнула и выронила колбасу. Серый хищник, чуть не лишившийся еще не распробованного угощения двуногого, осторожно лизнул его. А потом и сам не заметил, как в мгновение ока проглотил и колбасу, и хлеб. Лесной зверь, которому вкус колбасы пришелся по душе, с сожалением обнюхал снег, где лежал бутерброд, но ничего более не обнаружил. Тогда он отгрыз большущий кусок с передней ноги оленя и, как и прежде, утащил к бурелому, где принялся за мясо с уже откровенной ленцой.

Меж тем среди деревьев замелькала еще одна гостя. Красная лисица уже давно крутилась вокруг да около, но все никак не решалась подойти. Она опасалась более крупного хищника, но, глядя на наглых воронов, боялась лишиться и дармового мяса. Волк хоть и не видел лисицу, но словно угадал ее мысли. Наевшийся до отвала хищник нехотя поднялся и медленно направился в сторону увала, растянувшегося между бесконечными лугами и алаасами с заброшенными ётёхами. Вскоре его силуэт исчез между деревьями.

Лисица поняла, что настал ее долгожданный час. Она шустро прибежала, оторвала от филейной части кусок. Так же быстро юркнула под сень лиственницы, где с наслаждением принялась уплетать свежее мясо. Рыжая плутовка, живая до сих пор благодаря осторожности, знала, что не может улететь, как вороны, при появлении серого братца, и потому предпочитала держаться подальше от него. Таежного хищника лисичка боялась не зря. Попадись она ему, когда он голоден, ей точно несдобровать. Волк сделает все, чтобы догнать ее и превратить в свой обед.

Согласно законам вечной тайги, после того, как большие звери и птицы наедятся тушей оленя, настанет черед мелкой живности, вплоть до самых маленьких мышей.

Ночью, услышав доносящийся с края алааса гомон многочисленных воронов, идущая цепочкой стая волков поспешила туда. Серые хищники прекрасно знали, что эти птицы в одном месте просто так не собираются. Они тщательно исследовали остатки пиршества. Поняв, куда направился волк, поохотившийся вместе с двуногим, стая последовала за ним. Вскоре серые установили, где залег сытый собрат, и, рассыпавшись цепью, начали прочесывать лес.

Юный волк, от голода толком не отдохавший несколько дней подряд, набил на радостях брюхо и теперь спал без задних ног. Но вдруг будто кто-то толкнул его в бок. Он проснулся, встал и оглянулся. И как раз вовремя. С той стороны, откуда он пришел на ночлег, раздался волчий вой. Одновременно со всех сторон слышались не сулящие ничего

доброе голоса целой стаи хищников. Волк понял, что окружен, и его чуть не парализовало от страха. Меж деревьями замелькали зловещие огоньки. Но молодой волк нашел в себе мужество собраться. От сна и сытой неги не осталось и следа. Несмотря на юный возраст, храбрый отпрыск Аарымы решил биться до конца. Он поднял вверх морду и начал перед неминуемой смертельной схваткой воинственную песнь одинокого бойца. Затем, глядя в ночную темноту, вздыбил шерсть и оскалил острые клыки. И тут из-за большой лиственницы неожиданно выросла громадная фигура матерого волка, который, усевшись, завел радостную приветственную песнь. Джосун! Для волчонка, только что уверенного в том, что настали последние минуты его жизни, все перевернулось с ног на голову. Он тут же бросился навстречу старшему брату, уже известному в этих краях как сильный вожак крепкой стаи, сел перед ним и присоединился к приветственной песне. И тотчас их радостный вой подхватили со всех сторон.

Оказалось, что стая преследует тех самых оленей, одного из которых молодой волк добыл сегодня вместе с двуногим. Джосун дал понять брату, что они продолжают погоню. Молодой волк присоединился к ним.

Невольные должники

В пору самых сильных холодов, когда ледяное дыхание зимы окутывает все кругом кипенно-белым туманом, шквалистые ветра вздымают снег до поднебесья. В такие суровые времена молодой волк, ставший обитателем тихих алаасов, скрывался в своем логове в густо заросших деревьями увалах, тянущихся до самого горизонта.

Однажды, когда, наконец, прошли трескучие морозы, имеющие коварное свойство тихонько сковывать движения и незаметно усыплять все живое мертвым сном, серый хищник из рода Аарымы вспомнил добытого совместно с двуногим оленя. Голодный желудок нестерпимо заурчал. Молодой волк поднялся на расположенную между двумя алаасами лесную грядку.

Природа, давая знать, что скоро проснется, разбушевалась метелями и колючими буранами. Это только казалось, что сейчас, после утомительных морозов, настала удобная пора для волчьих вылазок. Бесконечные ветра уложили снег в длинные ряды плотных сугробов по всем обширным лугам и алаасам и превратили их шуршащую, сверкающую на солнце поверхность в твердый наст. Мышковать, гонять зайца и охотиться на боровую дичь на таких полях было для одинокого серого охотника трудной задачей. То и дело наст, не выдержав его веса, проваливался под ним, и он, увязнув в глубоком снегу, тратил впустую много сил и энергии. Впрочем, уроки даром не проходили, и молодой волк почти перестал выходить на открытые поляны.

Шли дни. Преисполненная счастья и радости царица весны Саргылаах Саас Сайбары овевля землю долгожданным, едва уловимым теплым дыханием. И этого было достаточно, чтобы отломился первый рог великого Быка холода. Однако полное стужи свирепое создание еще

долго будет сопротивляться и сыпать на Срединную землю крепкие морозы. Действительно, было холодно, и все живое радовалось пока еще редко выпадающим дням без тумана, с прозрачным воздухом.

Сегодня выдалась особенно ясная ночь. На небе висел совершенно круглый лик равнодушной желтой луны. Звезды мерцали, будто нарядные игрушки, освещенные изнутри волшебными огоньками и прикрепленные к роскошному иссиня-черному бархату. Когда долго смотришь вверх, то вскоре привыкаешь к голубоватому свечению холодной луны¹⁹, и перед тобой открывается множество других миров. И чем дальше от заслоняющего их ночного светила, тем серебристых точек становится больше. Они сверкают, будто звездный след вооруженного луком и пальмой²⁰ охотника, промчавшегося по ночному небу на подбитых шкурой лыжах в погоне за небесным оленем. Небесный страж никогда не тающего студеного моря и всевидящее око — звезда Чолбон²¹, прикрепленная к центру небесного купола, сияла ярким светом, указывая путникам направление на север.

Толком не питавшийся зимой молодой волк ближе к весне ослаб. Он был бы рад любому перекусу, потому и вспомнил про остатки добытого прошлой осенью оленя. Место совместной охоты с двуногим он нашел безошибочно. Но упустил из виду, что тут уже побывала стая его старшего брата Джосуна, когда искала его. Неудивительно, что после их визита, а также после счастливого пиршества множества мелкой таежной живности остались одни обглоданные кости. Однако голодный хищник выкопал из-под снега несколько целых трубчатых костей, которые тут же хрустнули в его челюстях, и принялся высасывать их содержимое. Конечно, это не могло успокоить его пустой желудок. При свете полной луны пришлось пуститься рыскать по окрестностям. Как-никак волка ноги кормят. Не найдя поблизости ничего съестного, молодой волк вышел на старую просеку, ведущую напрямик к большой дороге железных тачек двуногих, и почти сразу уловил запах пробежавшего по ней оленя. От радости даже желудок немного отпустило, в глазах просветлело и прибавилось сил. Волк побежал вслед за жертвой. Но оголодавшему серому не хватило выдержки, и он слишком близко подобрался к оленю. Тот, искавший для остановки место с богатым ягельником, почувствовал хищника и, недолго думая, свернул с просеки и скрылся в густой чащобе. Волк ринулся за ним. Уходящий от погони олень выбежал к проторенной дороге здешних двуногих, по которой те ездили в свой поселок. Перескочил ее и помчался прочь по старой заснеженной дороге, где уже успели появиться высокие кочкарники.

Когда животное приблизилось к дороге двуногих, совсем некстати появился желтовато-серый щенок, которому еще не исполнилось и года.

¹⁹ Голубой оттенок луны — весьма редкое оптическое явление, присущее очень холодному зимнему воздуху.

²⁰ *Пальма* — универсальный инструмент таежника (используется как топор, секира, короткое копье). Представляет собой большой металлический нож, прикрепленный к длинному дереву.

²¹ *Чолбон* — в якутской мифологии существуют два значения этого слова: Венера (утренняя звезда) и Полярная звезда.

В поисках уехавших на ночь в поселок хозяев он дошел до большой дороги, но опоздал: их там уже не было. Теперь пес возвращался обратно на конебазу, принадлежавшую бывшему соседу Аарымы. Вдруг слева послышался хруст ломаемых веток и буквально перед собачьим носом дорогу стремительно перескочил олень. В щенке заговорили охотничьи инстинкты. Ему показалось, что это именно он вспугнул олешка. И щенок, не думая ни о чем, пустился вдогонку. Но куда ему было угнаться за быстроногим созданием! Щенок, несолоно хлебавши, вновь вернулся к дороге. И вдруг с той стороны дороги прямо на него выскочил серый хищник. В еще неопытном, но уже понимающем свои обязанности перед хозяевами щенке зыграла кровь предков. Он прыгнул навстречу своему извечному врагу, и они с ходу сцепились в смертельной схватке. Несмотря на щенячий возраст, пес по отцу был отпрыском овчарки и отличался довольно большими размерами. Встав на задние лапы, волк и собака оперлись передними друг о друга, пытаясь вцепиться сопернику в горло. Но это никому не удалось. И вдруг все завертелось, закружилось в снежном вихре. Слышались яростные звуки жестокой схватки. Только каким бы сытым ни был щенок, измученный голодом хищник все равно был гораздо сильнее физически. Молодой волк изловчился и схватил собаку за уязвимое место. Пес попытался было освободиться от смертельной хватки, но лесной зверь только сильнее сжимал челюсти. Еще мгновение, и хищник разорвал собачью шею. Молодой волк отпрянул в сторону. Не успевший ничего сообразить щенок с бьющей из шеи кровью сделал попытку наброситься на врага, но тут же почувствовал страшную слабость во всем теле. Он жалобно взвизгнул, словно звал хозяина, и неуклюже свалился набок. Еще не отошедший от напряженной битвы молодой хищник подскочил к умирающей собаке, чтобы разорвать ее и насладиться теплой плотью и горячей кровью. И вдруг услышал позади себя грозное рычание. Волк резко обернулся.

Перед ним стоял Аарыма. Это он пригнал оленя с верховьев Большой речки к охотничьим угодьям молодого волка. Старший вожак вполне справедливо полагал, что молодой одинокий отпрыск, оставленный на хозяйство в тихих алаасах, в это время года, как никто другой, нуждается в помощи и поддержке. И олень в качестве добычи ему будет кстати. Аарыма с самого начала понял, как развиваются события, и шел по следам погони, читая их, как открытую книгу. Здесь молодой волк вспугнул оленя. Тот убежал. Но в конце концов животное должно было успокоиться и остановиться в одном из любых ягельных мест, коих полно в ближайших распадках. «Лишь бы волчонок снова не оплошал», — размышлял Аарыма, как вдруг услышал звуки отчаянной схватки и тут же во весь опор пустился в том направлении. К его приходу все было кончено. На снегу, истекая кровью, лежал щенок бывшего двуногого соседа.

Мудрый волк сразу понял, что его отпрыск, сам того не ведая, заложил этим убийством страшный источник будущих бедствий и несчастий. Остановив молодого волка, все еще желавшего растерзать поверженного соперника, старший вожак задумался. Как же так? Ведь

обычно ко времени ожереба хозяева привязывают псов, оставляя только старую и опытную собаку, которую Аарыма знал еще со времен встречи на старой просеке. Двунogie обязательно захотят отомстить за потерю любимого питомца. Значит, пока они не встали на тропу войны, необходимо действовать первому.

Выросший в этих краях, Аарыма предположил, где мог остановиться убежавший от молодого волка олень, и у него созрел план. Отправив отпрыска преследовать добычу, опытный вожак направился наперехват подуставшему животному. Олень почувствовал, каким-то образом почуял приближение Матерого и резко свернул направо — как раз в ту сторону, где параллельно ему следовал молодой хищник. Поняв ошибку, животное резко взяло налево и выскочило прямо на Аарыму.

Песнь в честь удачной охоты была краткой. Видя нетерпение молодого волка, жаждавшего приступить к трапезе, старший вожак полоснул клыками горло жертвы и дал отпрыску напиться теплой крови. Но тушу трогать не разрешил. Она была нужна для задуманного плана. После того как молодой волк слегка утолил чувство голода, они вдвоем оттащили тушу оленя к мертвой собаке. Затем тщательно присыпали тела снегом. И все это на краю дороги, по которой каждый день ездит бывший двуногий сосед Матерого. Этим подношением Аарыма как бы давал двуногому понять: «Мы допустили большую ошибку. И в знак извинения и примирения оставляем этот дар. Мы не хотим войны». Мудрый вожак надеялся, что двуногий поймет его. Но примет ли человек его извинения? Простит ли убийство любимого щенка, которого растил как верного неразлучного друга? Не встанет ли на путь кровавой мести?

Прощение

Переменчива пора межсезонья. Только вчера стояла тихая, спокойная погода, и над тайгой сияло яркое солнце. А сегодня уже иная картина. Вновь над лугами и полями взвихрились свирепые бураны, засвистели метели, укатывая и без того плотный снежный наст.

Бывший сосед Аарымы и его напарник-водитель свернули с большой дороги в сторону алааса, где паслись их табуны. Внезапно они увидели на обочине невесть откуда появившийся снежный холм и, не доезжая метров десять, остановили машину. Подошли поближе. Этой снежной копейки вчера точно не было. Пока водитель ходил к машине за лопатой, бывший сосед Аарымы решил проверить, насколько плотен насыпанный холмиком снег. И тут разглядел два отчетливых волчьих следа. Внимательно изучая их, обошел холмик. Один из отпечатков явно принадлежал зимовавшему здесь молодому волку. Узнал человек и второй след, который ни с чьим перепутать не мог. Передние лапищи были чуть повернуты внутрь. Кослолапый след принадлежал Аарыме!

Напарник, едва начав разгребать снег, почти сразу наткнулся на что-то твердое. Это была красная лисица. Озадаченные люди отряхнули нежданную находку от снега и забросили в машину. Но далеко не уехали, поскольку увидели на дороге еще один снежный холмик

и вновь обнаружили под ним красную лису. Удивление бывшего соседа Аарымы, смешанное с непонятным чувством какого-то подвоха и опасения, возрастало с каждой минутой. Однажды он слышал историю о том, что когда-то местные волки, случайно перехватив законную добычу известного охотника, расплатились с ним подобным образом. Но он-то совсем другое дело. Он не знаменитый охотник, и хищникам вроде Аарымы не в чем извиняться перед ним... Неужели волки задрали лошадь? В таком случае никакого прощения не будет. Из двух, как говорится, выживет один. Если серые каждый раз за убитую кобылу будут отделяться лисицей, то скоро пустят его по миру. Если Аарыма виноват, то он по привычке может уйти и надолго затеряться в тайге. А вот с молодым волком, если он уже распробовал мясо детей Джэсёгея, подобное вряд ли произойдет. Хищник на одной вкусной жертве не остановится. Обязательно вернется и попробует проделать то же самое еще не раз.

Чем ближе напарники подъезжали к алаасу, где пасся табун, тем сильнее хозяина конебазы охватывало беспокойство. В голове, словно облака в ветреную погоду, мелькали разные тревожные мысли. Вдруг почему-то он вспомнил о щенке. Ребенок есть ребенок. В поселке щенок гонялся за каждой проезжающей машиной. Попробовали было держать на цепи, но потом решили отправить его на «воспитание» напарнику на конебазу, думая, что там, на природе, пес быстрее повзрослеет и остепенится. Бывшему соседу Аарымы щенок нравился. По всему было видно, что он вымахает в большую и сильную собаку. Правда, не нравился хозяину только желтовато-серый окрас пса. Бывалые люди утверждали, что собакам с таким окрасом Байанай относится не слишком благосклонно. Вчера, когда хозяин конебазы уезжал, щенок был на привязи, но, видимо, оставшийся в доме напарник слишком рано его отвязал. Хозяин успел разглядеть собачьи следы, которые вели к большой дороге, а потом повернули назад.

— Смотри-ка! — Удивленный голос водителя заставил старшего напарника очнуться от раздумий.

На дороге виднелись два снежных холма разной высоты. Из-под того, что побольше, напарники извлекли оленью тушу с перерезанным горлом. Будто все было сделано для того, чтобы вытекла кровь и мясо можно было спокойно употребить в пищу. Под вторым холмиком лежал щенок. Только теперь до бывшего соседа Аарымы дошло, почему волки так настойчиво ищут мира с ним. Они, оказывается, убили его еще не подросшего пса. Внимательно изучив тело собаки, напарники обнаружили, что у нее разорвана лишь сонная артерия и она умерла от потери крови. А все остальное было в целостности и сохранности. По всей видимости, пес возвращался домой, когда встретил волков и вступил с ними в неравную схватку. Но, с другой стороны, это было весьма странно и не очень соответствовало тому, что обычно происходит в таких случаях. Для бывшего соседа Аарымы случившееся так и осталось загадкой.

Погрузив в машину останки щенка и оленя, люди поспешили к своему табуну. К их вящему удовольствию, все кобылы были в целостности

и сохранности и паслись как ни в чем не бывало. «Оказывается, волки сюда даже не заглядывали. Не повезло щенку. Хорошо, что они не разорвали его тело». Бывший сосед Аарымы немного успокоился. Еще он подумал, что мудрый волк специально сделал снежные холмы, чтобы вездесущие вороны не тронули оставленные тела. А также чтобы человек мог достойно похоронить своего питомца, за убийство которого Матерый просил прощения. Волк искал мира и преподнес подарки.

Пока доехал до дома, хозяин усадьбы более или менее успокоился и уже без лишних эмоций принял окончательное решение по поводу своих действий: «Щенка уже не вернуть. И если сейчас начать сгоряча мстить волкам, еще неизвестно, кому будет от этого хуже. Видно, что Аарыма, как мудрый вожак стаи, ищет мира. Значит, на дороге что-то пошло не так и убийство щенка было совершенно случайным. С предложением о мире надо соглашаться». Если объявить сейчас войну, значит, надо будет уничтожить отпрысков Аарымы подчистую. Но это практически невозможно. Кровавой вендетте не будет конца. А вот благополучию сельского жителя, которое в значительной степени зависит от целостности и сохранности табунов длинногривых, конец придет. Но, конечно, если перемирие будет нарушено и начнут пропадать кобылы, придется обратиться к охотникам-волчатникам.

После этого случая следы волков исчезли. Не было ни больших отпечатков, ни маленьких. Гости конебазы весьма дивились этому: «Что за странный край без волков...»

...Наступление весны чувствовалось явственно. Человек уже ощущал на щеках тепло солнечных лучей. На лугах, где хозяева обычно подкармливали кобыл, появились первые проталинки. Вместе с этим прилетели вестники весны — пуночки. Они дружно держались возле табунов, выклеывая рассыпавшиеся из сена семена на прогалинах. Но на лесистых увалах снег по-прежнему лежал плотной массой, и оттуда время от времени было слышно на всю округу, как дятел стучит по дереву. Весна сменила зиму. Жизнь продолжалась.

Подарок

Пролетело еще одно лето. Лесное окаймление алаасных лугов окрасилось в яркие охристые цвета, отчего казалось, что все кругом было залито золотым сиянием. При взгляде на густо заросшие разными породами деревьев широкие увалы возникало странное ощущение. Вроде бы то же буйство красок с одной палитры, но совсем другие узоры и другие мазки волшебной кисти. Сквозь темную зелень елей пробивалась ослепительная белизна стройных березок, чьи трепещущие листья добавляли свои нотки в прощальную мелодию лета. В вылинявшей за жаркие дни небесной синеве тянулись клиньями последние гусиные стаи, и их, качаясь и кружась на тихих, незамутненных водах, проводжали унесенные на середину озера резные желтые листья.

С первыми лучами солнца в алаасе, жившем спокойной осенней жизнью, появился человек с двустволкой. Это бывший сосед Аарымы

выбрался из своего ётёха побродить с ружьем по лугам и перелескам. Заодно, по неизменной привычке сельского жителя быть постоянно занятым чем-то, он хотел проведать табуны. Хотя до поры сбора длинногривых и их перегона на близлежащие пастбища еще далеко, лишний хозяйский взгляд не помешает. Кроме того, была у владельца табунов и давно лелеемая тайная мечта: набрести на заветную поляну, где в это время года со своим уже повзрослевшим весенним выводком отдыхает глухарь. Найти такую глухариную поляну в сосновом бору или среди высокого хвойного леса — заветное желание любого охотника. «Может, Баай Байанай нынче улыбнется мне», — думает он. Друзья-напарники хозяина конебазы отправились к изученному вдоль и поперек круглому озеру в надежде настрелять еще не улетевших нырковых уток. Его старая собака Кыыстара увязалась за ними, а он даже останавливать ее не стал.

Бывший сосед Аарымы обошел опушки сосняков и лиственничных чащоб с густой мшистой подстилкой, а также любимые глухарями высокие открытые поляны, но нигде ничего не заметил. Заглянул ненадолго в обширный алаас с глубоким озером, а потом поднялся на левую возвышенность длинного увала, чтобы дойти, наконец, до самого северного алааса, где обретался табун старого вожака. Но по пути захотел обязательно взглянуть на новый табун молодых лошадей во главе с пятилетним жеребцом, которому в качестве основного пастбища определили уютный ётёх с хорошим сочным разнотравьем, расположенный между западным и северным алаасами.

...Вроде все было спокойно. Из семи кобыл только за одной не следовал жеребенок. А за остальными бегали уже заметно подростшие за лето тонконогие, с кудрявыми хвостами дети Джёсёгея. «Это хороший приплод. Замечательно для начала», — подумал бывший сосед Аарымы. Но кобылы при виде хозяина почему-то пустились в сторону северного алааса. Послышался глухой топот копыт, превратившийся постепенно в хлюпающий звук бега по мелководью. Пятилетний жеребец замыкал табун, будто защищая кобыл от кого-то чужого, представляющего для них опасность. Странно. Почему они шарахнулись от человека? Что их так испугнуло? На всякий случай хозяин конебазы вознамерился проследить за ними. Но зная, что чужих длинногривых здесь нет и что его лошади наверняка направились в обширные луга северного алааса, где пасся табун старого вожака, успокоился и решил обойти большой алаас с глубоким озером с восточной стороны, где также полно удобных для глухариного сбора уголков. Может, именно там ему и улыбнется охотничья удача.

Перевалив кратчайшим путем через невысокий увал, охотник вышел прямо на северный алаас. Кругом были тихие закутки с небольшими сухими полянами. Теперь необходимо было глядеть в оба глаза, обращать особое внимание на нижние толстые ветви любимых глухарями кряжистых лиственниц и сосен. Но, обойдя таким образом весь алаас по южной стороне, бывший сосед Аарымы никаких признаков боровой дичи не заметил. Стояла тишина.

Вдруг охотник, державший правой рукой ремень висящего на плече ружья, остановился. Доведенным до автоматизма резким движением снял с плеча ружье.

Прямо на его пути сидел волк. Он смотрел на человека, не отрывая от него золотисто-желтых глаз, а из его пасти свисало что-то большое и темное с крыльями. Затем хищник аккуратно положил на землю то, что держал в зубах, поднял морду к небу и издал короткий вой. Оглянулся пару раз на удивленного человека и растворился в лесной чаще.

Бывший сосед Аарымы, державший ружье наизготовку, был коневодом и обладал особой зрительной памятью на морды, окрас масти и общий рисунок всей шкуры детей Джэсёгея. Это помогало ему отличить одну лошадь от сотен других. То же самое касалось и увиденных им однажды диких животных, и потому он никак не мог ошибиться. Только что перед ним был тот самый молодой волк, с которым они вместе «поохотились» прошлой осенью. Хищник заметно возмужал, вырос в холке. Он явно становился похожим на своего матерого отца. Все еще оглядываясь и держа ружье наизготовку, человек подошел и осмотрел то, что оставил серый хищник. Это был огромный глухарь!

Человек ощупал птицу руками. Туша была еще теплой. «Так это, значит, был ты, мой аккуратный волчонок, зимовавший здесь. Ну это же ты, негодяй, прикончил моего щенка! Тебе повезло, что ты отпрыск Аарымы, который извинился за тебя. Наверное, это подарок за то, что я не стал охотиться и преследовать тебя и весь ваш род. Ладно, принимаю твой дар, булчут»²². Размышляя подобным образом, он попытался засунуть глухаря в рюкзак. Но дорогой подарок в большой заплечный рюкзак поместился лишь наполовину. И бывшему соседу Матерого пришлось стянуть огромную птицу веревкой, чтобы не болталась и не мешала идти. Весь обратный путь домой он проделал с такой же улыбкой, как и после прошлогодней совместной охоты с тогда еще совсем юным волком.

О чем он думал? Каким мыслям так загадочно улыбался? Может быть, вспомнил волчонка, который был настолько удивлен странным поведением двуногого, что даже не попытался скрыться. А может быть, вспомнил о матером соседе, долгие годы бывшем с ним рядом, и о том, что они с мудрым Аарымой когда-нибудь обязательно должны встретиться...

Наступил осенний вечер. Эбэ кюэль²³, будто стараясь защитить притихший алаас от ночного прохладного воздуха, бережно укрыла все низины плотным туманным одеялом, сотканным из накопленного за день тепла.

В уютно натопленном домике, стоящем на краю ётёха, было весело и многолюдно. Несколько мужчин, сидя вокруг богато обставленного охотничьего стола, оживленно разговаривали на традиционные темы. Кто что видел, кто что добыл. Богатый стол — это то, что послал им

²² Булчут — охотник.

²³ Эбэ кюэль — буквально: Бабушка-озеро. Эбэ — бабушка. Так в народе саха уважительно называют озера, реки, алаасы, леса и другие значимые для жизни людей места.

сегодня Баай Байанай. Отборные караси величиной в полторы ладони, на любой вкус: и поджаренные до нежно-золотистого цвета, и в наваристой ухе. А также суп из последних в этом году нырков, чей янтарный жир аппетитно поблескивает на поверхности. В большой глубокой миске дымится разделанное и выложенное горкой мясо дичи. Все приготовлено просто и без особых изысков. И именно в этом прелесть блюд, которые достались от предков в неизменной рецептуре, ведь их главный секретный ингредиент — это свежайшие исходные продукты, добытые и выловленные буквально пару часов назад.

У всех было приподнятое настроение. Вспоминали разные забавные случаи. Но несомненным чемпионом вечернего разговора стал большущий глухарь, подаренный хозяину дома волком. Кое-кто, как водится, слушал рассказ с улыбкой, зная, что в охотничьих рассказах всегда есть преувеличения и мистификации. Хозяин никого переубеждать не стал, а рассказал одно старинное предание:

— Жил-был, говорят, известный старик-охотник. Однажды жена упросила его, чтобы он взял с собой на охоту старшего сына одинокой многодетной соседки. Мол, и тебе поможет, и сам промыслового опыта наберется.

Так с ним в тайгу и отправился только начинавший физически крепнуть мальчонка. На их беду выдалась редкая осень, когда собаки ни разу не облаяли сохатого. Но Баай Байанай в конце концов сжалился над промысловиками. Перед самым возвращением из тайги они добыли лося. Однако покровитель охотников решил не ограничиваться этим подарком. Мальчонка, которого старик отправил за водой к маленькому озерцу, увидел на противоположном берегу большого глухаря, сидевшего на нижней ветке старой лиственницы. Он тут же доложил об этом своему наставнику. Но старый охотник, то ли утомившийся от разделки громадной туши, то ли посчитавший глухаря не такой уж значительной добычей по сравнению с сохатым, ответил мальчонке, чтобы тот сам сходил. Мол, если повезет, то это будет его законный приз. Мальчонка ушел и вскоре вернулся с большущей черной птицей.

Собрались домой, и наступила пора делить трофеи. Старик, каждый год добывавший по несколько сохатых, в этот раз, вопреки всем охотничьим законам, отнесся к напарнику пренебрежительно. «Кто что добыл, то и получает», — обманул он мальчонку. И забрал себе всю тушу громадного лося. Ничего не подозревавший юный охотник с искренней радостью взял глухаря. Родные встретили мальчонку, как настоящего добытчика. Их восторгу не было конца. Из последних остатков муки приготовили оладушки, чтобы воздать должное духу огня Бырджа Бытык Хатан Тэмиэрийэ и вознести честь и хвалу покровителю охотников Баай Барылаах Байанаю. А старый охотник даже слова благодарности не сказал Баай Байанаю. Наоборот, выразил неудовольствие тем, что тот нынче заставил его понервничать.

Баай Байанай, всю жизнь покровительствовавший охотнику и постоянно посылавший ему таежные дары, глубоко опечалился. Его также сильно огорчило, что старик пренебрег самым дорогим подарком — глухарем,

а позарился на большую лосиную тушу, которой, вопреки всем охотничьим законам, даже не поделился с юным напарником.

С тех пор, говорят, удача отвернулась от известного охотника. Старик потом корил себя, плакал и признавал свою ошибку, но всегда возвращался с пустыми руками. А тот мальчонка стал удачливым охотником, слава о котором бежала впереди него. Именно после этого случая охотники стали считать глухаря царской добычей, ниспосланной самим Баай Барыылаах Байанаем. Они ценят его даже дороже сохатого и преподносят в дар самым уважаемым людям.

В наступившей тишине вдруг послышался неожиданно громкий треск головешки в печке, будто согласившейся с только что прозвучавшим старинным преданием. Кто-то из парней спросил:

— Значит, зимовавший здесь молодой волк по достоинству оценил то, что ты не стал отбирать его добычу, а поделился с ним. И в благодарность за это преподнес самый дорогой подарок Баай Байаная — черного глухаря?

— Получается, что так, — заговорили со всех сторон.

— Вы правильно думаете, — ответил бывший сосед Аарымы. У него были еще и другие соображения, но он решил их сегодня не высказывать.

Спасение Аарымы

Прошел год. И была зима, и весна, и было лето.

Зима не торопилась уходить. Она привыкла к тому, что в царстве вечного холода все подчиняются ей и в долгие месяцы усыпляющей морозной красоты копят силы для возрождения к новой жизни. Капризная царица в покрытой инеем ослепительно-белой накидке, усыпанной алмазной крошкой изо льда и снега, только днем укрощала порывы холодных, пронизывающих ветров и делала вид, что удаляется на север, к студеному море-океану. А ночью вновь возвращалась. Наутро все повторялось по новой. Но каждый год, рано или поздно, всегда грядет пора, когда она должна умерить холод и окончательно уступить место вечно юной сопернице — весне.

Весна в царстве вечной мерзлоты надолго не задерживалась. По ее волшебному мановению здесь просыпалось и оживало все, что надолго усыпила снежная королева. Но ей нужно было спешить дальше на север. И она освобождала место зрелой красоте жаркого лета со страстными белыми ночами, с нескончаемыми песнями-тойуками. Наступало время неукротимого буйства зелени короткого северного лета с неизъяснимыми ароматами.

Осень подкралась, как всегда, незаметно. С каждым днем среди ее красок было все больше и больше золота. Но вот опали последние листья. Тайга притихла в ожидании, когда ее поскорее укроют теплым снежным одеялом и все живое вновь погрузится в гипнотический сон царства белого холода.

В один из таких дней, когда из ноздрей Быка холода только начали появляться первые клубы пара, вступивший в почтенный возраст Аарыма

и его верная подруга Кылбара, в чьей роскошной блестящей шубе застревают солнечные лучи, возлежали на массивном округлом валуне. Это был тот самый камень на вершине увала на новых землях, возле которого после битвы с таежными волками Аарыма устроил логово. Здесь струил кристально чистые воды никогда не замерзающий родник, а вокруг было множество каменных пещер. Старый вожак с верной подругой отдыхали в ожидании восхода солнца с пока еще греющими землю лучами. И каждый думал о своем.

Дружная волчья пара была не одна. В логове, прикрытом снаружи сплетенными корнями могучей сосны, спали шесть маленьких волчат. Рыскавшие с родителями всю ночь по тайге сеголетки, что называется, дрыхли без задних лап и тихонько поскуливали. Беззаботным, счастливым щенятам снились сияние путеводной Полярной звезды, сверкающие россыпи ярких звездочек и таинственный свет сопровождавшей их полной луны. Родители, охранявшие крепкий сон щенят, начали жмуриться от яркого света восходящего солнца. А может, их тоже стало клонить ко сну. Волчица-мать думала о щенятах. Они с Аарымой в полной мере испытали ниспосланное им на закате лет родительское счастье. Если волчата последнего помета благополучно переживут предстоящую зиму, то уже на следующий год предстанут большой дружной стаей. Кылбара очень надеялась на это. Совсем другие мысли одолевали старого вожака. До нынешней осени, как бы ни истерлись за долгую волчью жизнь его острые клыки, Аарыма никогда не чувствовал себя постаревшим, утратившим силы и уверенность вожаком. Но после одного недавнего случая все чаще стал задумываться об этом, хотя внешне беспокойства не показывал.

...В первое время после битвы территория между таежными волками и отпрысками Аарымы оставалась ничейной, на нее никто не претендовал и никто на ней не селился. Любой хищник мог без всяких последствий преследовать законную жертву, забежавшую на нейтральную полосу. В этом году весенний гон в период брачных игр состоялся на этих сопредельных землях. Вновь образованные пары — самки из рода Кырыктааха, а также волчица из рода северных, выросшие у Кылбары, и молодые самцы таежных волков — ушли на другую сторону притока Большой речки, где образовали свои семьи. На нейтральной территории остался лишь один неустроенный молодой самец, уступивший во время гона более удачливым соперникам. Прятавшийся все лето в самых дальних и тихих уголках междуречья, зверь-одиночка к осени заматерел и начал показывать свой скверный характер. Он начал даже нападать на молодых волчат, которые в пылу охоты встречались с ним, а нейтральную доселе территорию стал считать своей законной землей.

Однажды Аарыма с Кылбарой загнали туда оленя. Наскоро перекусив и вернувшись с полными желудками, они отрыгнули щенятам частично переваренную оленину, усваиваемую гораздо лучше, чем просто сырое мясо. Затем отец семейства вновь отправился к добыче

за новой порцией, а Кылбара осталась в логове. Матерый сразу заметил чужака, который провел все лето на ничейной территории. Молодой возмужавший волк добрался до добычи Аарымы и спокойно обедал. Он даже не считал нужным сдвинуться с места. Более того, в ответ на появление настоящего владельца туши оскалил зубы, посчитав, наверное, что теперь это его законная доля. Было понятно, что таежные заповеди он не почитает, старость не уважает и добром от чужой добычи не откажется.

Матерый сын седой тайги, дожив до преклонного возраста, никогда раньше не встречался со столь непочтительным к себе отношением. Его уважали за мудрость и справедливость, ему никто поперек дороги не вставал. Потому легко понять, что Аарыму аж передернуло от наглого, переходящего все границы таежного приличия поведения молодого волка. Он пришел в ярость. Издав протяжный грозный вой и сверкнув глазами, Матерый бросился на дерзкого нахала. Наглец, уверенный в том, что справится со старым волком, в ответ тоже зарычал и прыгнул навстречу. Густо заросшая мхом и пахнущая прелой листвой доселе тихая поляна стала ареной смертельной схватки. Послышался треск ломаемых кустов и веток тонкоствольных лиственниц. Во все стороны брызнул ярко-красный сок спелой брусники. Вначале казалось, что Аарыма превосходит молодого соперника. В какой-то момент он чуть не вцепился в горло врага, но промахнулся и ухватился лишь за длинную и густую шерсть на загривке. Но все же мерзавцу несколько раз пришлось уткнуться мордой во влажную землю, и ему еще повезло, что удалось вырваться и отпрыгнуть в сторону. Старый вожак успел лишь слегка оцарапать ему ляжки. Истершиеся клыки и скорость были уже не те. Раньше подобные его выпады оборачивались для жертвы ужасающими ранами, он мог прокусить шею даже сквозь самую толстую шкуру, а задние ноги уж точно были бы оборваны до костей. Но не сейчас. Воспользовавшись тем, что матерый сын седой тайги не стал его преследовать, зверь-одиночка отошел в сторону и остановился, готовый убежать в любой момент. Когда Аарыма двинулся было в его сторону, он отскочил и вновь остановился. Старый вожак решил, что достаточно проучил наглого выскочку и тот признал поражение, а сразу не уходит, потому что не позволяет гордость хищника. Аарыма вдруг почувствовал усталость и вернулся к остаткам туши, чтобы немного подкрепиться. Подлый зверь, воспользовавшись тем, что старый волк отвлекся на еду, набросился на него. Опытный вожак, видимо, ожидал такого поворота событий и мгновенно повернулся навстречу врагу. Атака мерзавца была столь стремительной, что опытный волк едва успел увернуться от кланувших рядом с сонной артерией острых клыков, которые намертво впились ему в ключицу. «Теперь-то уж точно прикончу...» — видимо, промелькнуло в голове серого негодяя, и ему будто прибавили сил. Он постарался переместить клыки поближе к сонной артерии Матерого, чтобы разорвать ее одним резким движением. Аарыма почувствовал, как челюсти врага сжимаются все сильнее. Чаша весов постепенно

склонялась в сторону находящегося в расцвете сил наглого хищника. На счастье старого вожака, Кылбара услышала его грозное рычание, сопровождаемое боевым кличем — громким и коротким воем перед нападением, и теперь во весь опор мчалась к нему. Зверь-одиночка, увидев волчицу, тут же разжал челюсти и пустился наутек. Аарыма с Кылбарой попробовали было погнаться за ним, но того и след простыл. И тут старый волк почувствовал невероятную усталость. Если раньше после подобных схваток у него вовсю кипела кровь и он был готов к новым битвам, то теперь у него гулко-гулко забилося сердце, а мышцы неожиданно ослабели и ноги предательски подгибались. Все движения резко замедлились. Ему хотелось быстрее подкрепить себя и прилечь отдохнуть. Волки вернулись к остаткам туши и набили желудки, чтобы накормить щенков...

Именно после этого случая матерый волк, главный вожак десятка стай седой тайги, стал задумываться о чем-то. В его душе поселились грусть и тоска. Действительно, жизнь прожить — не кость обглодать. Оглянуться не успел, а все позади. Впереди уже виден конец.

Вот о чем думал старый вожак, лежа на массивном округлом валуне в ожидании восхода солнца.

Неисполненная просьба

Настала ранняя зима. Ласковые лучи солнца перестали согревать щеки, и день, в течение которого светило свободно резвится в неоглядном небе, заметно сократился. Бывший сосед Аарымы приехал с постоянными помощниками в ётёх предков. Мужчины, потягиваясь, вышли из машины. Послышался скрип шагов по недавно выпавшему снегу. Бодрые голоса заполнили тишину укутанных белым покрывалом полей и опушек. Люди явно соскучились по знакомым видам любимого алааса. Затопили печку, и спящий домик с радостью проснулся. Белесый дым вмиг устремился в небеса, но, почти достигнув нижнего полога серых облаков, словно испугался открывшихся ему необъятных просторов и тихо растянулся по-над лугами, постепенно исчезая в прохладном воздухе. Хозяин усадьбы по привычке, пока его товарищи топили печку, заносили вещи и устраивались, закинул за плечи рюкзак, прихватил двустволку и отправился пешком в ближайший алаас проверить стоявший там табун.

Бывший сосед Аарымы с удовольствием вдыхал морозный воздух родного алааса. Но хозяин есть хозяин, и он с самого начала приезда недоумевал по поводу того, что табун старого вожака в этом году не перекочевал в алаас с ётёхом, где стоял его аккуратный домик. Жеребец ведь знает, что когда люди сюда приезжают, то всегда подкидывают сена, угощают лакомством — зерном. Что случилось? В давно и хорошо отлаженном мире табунщика просто так ничего не происходит. Значит, была какая-то веская причина. И отсутствие табуна — это вовсе не каприз старого вожака.

Хозяин лошадей направился в соседний просторный алаас с глубоким озером. Может, думал он, длинногривые пасутся там. Ему необходимо было миновать небольшой высокий ётёх с еще окончательно не исчезнувшими провалами в земле, оставшимися от бывших строений заброшенной усадьбы.

Вдруг из-за могучих лиственниц, растущих на опушке ётёха целым островком, появился громадный волк, который уселся прямо перед двуногим. Тот опешил, но успел привычным движением взять ружье на изготовку. Человек и волк внимательно глядели друг на друга. Зверь никаких движений не делал, а просто и спокойно смотрел. Нет, не просто и спокойно, а как-то вопросительно. Это и смутило человека. Потом матерый обитатель тайги, продолжая неотрывно смотреть на него, улегся на снег. Когда первое волнение спало, до хозяина усадьбы дошло, что перед ним Аарыма. Вот они и встретились.

Он много раз представлял себе, как это будет. Желал увидеться с ним и не верил рассказам, что Аарыму убили, как какого-то простого зверя. Но никак не думал, что встреча произойдет именно так и именно сегодня. Впрочем, все важное в жизни всегда так и происходит.

Еще несколько мгновений, и человек понял, почему не сразу признал в лежавшем перед ним волке, который неотрывно смотрел на него, матерого соседа. Это были глаза! Ярко-желтые глаза Аарымы, которые некогда выразительно блестели, сегодня были потухшими, подернутыми пеленой печали. В них не сверкал былой огонь. Тот огонь, что называют любовью к жизни. И, посмотрев в них, человек вдруг осознал смысл странного волчьего взгляда. Он вздрогнул от неожиданно поразившей его догадки. Медленно отложив ружье в сторону на снег, опустился на правое колено, показывая, что у него нет никаких враждебных намерений. На первый взгляд матерый зверь по-прежнему представлял собой совершенное создание великой природы. Только наметанный глаз опытного охотника заметил, что шкура хищника сильно потускнела, выдавая прожитые годы. Пока человек размышлял об этом, старый вожак поднял голову и издал протяжный вой. Так Аарыма приветствовал соседа. Человек, никогда не слышавший подобного в непосредственной близости от себя, поневоле вздрогнул. По спине пробежал неприятный холодок. Хоть хозяин усадьбы и понимал, что этот хищник не представляет для него опасности, находиться рядом с матерым зверем оказалось ощущением не из приятных.

Приветственный тойук Аарымы, прозвучавший с высокой опушки ётёха, вознесся над могучими вековыми лиственницами. В протяжной волчьей песне слышалось не только приветствие, но и благодарность. Более того, были в этой жутковатой суровой мелодии и нотки просьбы. Тот, кому была предназначена песнь матерого хищника, сидел рядом. Человек все услышал и обо всем догадался и оттого чувствовал себя неуютно. Аарыма не отводил от него пристального вопросительного взгляда. Но коневод и охотник, хозяин дома на краю ётёха и бывший сосед Аарымы где-то на уровне подсознания

понимал, что он прежде всего человек, а дикий зверь, дитя тайги с чистой душой, хочет взвалить на него непосильную ношу. От этой мысли его бросило в дрожь.

Нет. Он определенно не мог выполнить просьбу Аарымы, с каким бы уважением ни относился к старому вожаку и своему бывшему соседу, повадки которого хорошо изучил и с которым мирно уживался много лет. Человек разволновался. Ему даже во сне не могло присниться, что он попадет в такую ситуацию. Он снял шапку и положил рядом на снег. И как-то неловко, даже немного смешно почесал себе затылок. Волосы с проседью были взъерошены, с неприкрытой головы валил пар.

Неизвестно, сколько бы они так смотрели друг на друга, но вдруг хозяин дома уловил какое-то движение на краю поляны. Там стоял еще один волк. Судя по относительно небольшому росту, это была самка в роскошной блестящей шубке с желтоватыми подпалинами и такого же цвета пятнами на скулах. Рядом с ней копошилось несколько мохнатых волчат нынешнего помета. И тут у человека камень с души свалился. Ему стало все ясно, и он обратился к Аарыме с окончательным ответом на поставленный им вопрос.

— Досточтимый сосед, старейшина седой тайги Аарыма! Как бы я тебя ни уважал, вынужден отказать в твоей просьбе. Говорят, что с годами, когда отпущенных человеку судьбой солнечных дней становится все меньше, мы по-особенному начинаем ценить каждый миг жизни в нашем Срединном мире. В тебе тоже бежит горячая кровь. Ты тоже дитя Юрюнг Аар Тойона — Великого Белого Господина, сотворившего все живое на земле. Значит, и ты должен ценить каждый миг жизни в этом подлунном мире. Имея таких славных маленьких отпрысков, ты просто обязан жить. Должен еще не единожды оросить поверхность мха, еще не единожды встретить рассвет, и зиму, и лето. Отбрось минутную слабость, не наступай на горло собственной песне. Мы с тобой еще поживем. Я еще не раз услышу имя матерого сына вечной тайги, — сказал Аарыме его бывший сосед и, посчитав свой ответ исчерпывающим, выпрямился, закинул ружье за плечи и надел шапку.

Аарыма понял, что сосед отказался выполнить его просьбу. Он медленно поднялся и потрусил в сторону поджидавшей его Кылбары.

Вдруг заговорила рация, и сквозь шипение и треск в эфире послышались взволнованные голоса парней: «Ты где находишься? Слышал вой волка? Он где-то совсем рядом с тобой... Наверное, в том же алаесе... Сейчас приедем на машине. Ты где? Прием! Прием! Ты где?»

В глазах Аарымы, обернувшегося на звуки рации и смотревшего вслед уходящему в сторону дома соседу, можно было увидеть одновременно и разочарование, и затеплившийся огонек надежды. Матерый подошел к поджидавшей его на опушке леса Кылбаре, и они вместе исполнили песнь, в которой выразили прощание и благодарность. Затем, сопровождаемые все еще неуклюжими мохнатыми сеголетками, исчезли в лесу.

Не обращая внимания на поднятый парнями в эфире шум, хозяин дома спокойно направился в сторону своего ётёха. Когда он уже подходил к родному алаасу, подъехал уазик. Парни удивились суровому выражению лица старшего по возрасту, который не стал ничего говорить, а молча уселся на заднее сиденье машины. Заметив его странное поведение, братья лишь переглянулись и перестали лезть с расспросами. Все расселись, и водитель, лихо развернувшись, дал по газам.

Ответы на вечные вопросы

Над алаасами, рисуя воздушные берестяные узоры, плыли бело-снежные странники вечного неба. Существующие со времен создания Срединного мира облака напоминали, что жизнь никогда не останавливается, что это определенный раз и навсегда цикл, круговерть суровых испытаний, повторяющихся из года в год, из века в век. Облака теснились и клубились, спеша в неведомые дали, чтобы стать очевидцами всех без исключения событий на земле. И самых ярких, и самых скромных.

Ближе к полуночи открылась дверь дома в ётёхе. Вместе с вырвавшимся наружу потоками теплого воздуха, вмиг окутавшими белесым паром фонарь над косяком, на пороге возникла фигура человека. Это был хозяин дома. Он окинул привычным взглядом притихший от мороза ночной ётёх, будто искал что-то в мгле, а затем, запрокинув голову, стал всматриваться в звездное небо. А там, будто развешанная под куполом неба разноцветная салама²⁴, играли сполохи полярного сияния. И он вновь прочел в этом грандиозном космическом цветовом представлении вечный вопрос, на который сегодня так настойчиво искал ответа.

У него все время из головы не выходила немая просьба почтенного старца великой тайги Аарымы. Привыкший засыпать почти мгновенно, он без конца ворочался, но сна как не бывало. Вот и решил выйти на свежий воздух. Конечно, он, в отличие от Аарымы, еще не стар, хотя уже далеко не мальчик. Но сегодняшний случай заставил его о многом задуматься — все же большая часть жизни уже позади — и задаться важнейшим вопросом, адресуемым человеком самому себе. «Если Аарыма пришел ко мне с подобной просьбой, значит, его звериное чутье говорит ему, что конец не за горами. Великий вожак прожил долгую и достойную волка жизнь и потому имел право обратиться ко мне с щекотливой просьбой. А я что сделал в жизни такого, что останется после меня? Неужели все закончится, когда меня не станет? Воспользовался ли я сполна всеми возможностями, что были мне даны при рождении в Срединном мире? Достойно ли прошел по дороге, предначертанной судьбой?.. Смогу ли я на склоне лет, как и Аарыма,

²⁴ *Салама* — здесь: украшение из разноцветных ленточек материи, развешиваемых на воткнутых в землю молодых березках (чэчир) во время национального праздника Ысыах. *Ысыах* — праздник встречи лета, главный традиционный праздник народа саха. Его иногда называют якутским Новым годом. Отмечается в день летнего солнцестояния.

сказать, что прожил достойную жизнь и ни о чем не жалею? И готов ли увидеть свой последний рассвет? А если еще не сделал что-то очень важное, то успею ли исполнить это за оставшееся время?»

«Не падай духом, человек с солнечными поводьями за спиной²⁵. Каждый проходящий в этот мир все равно исполняет свое предназначение. Кто за короткое время, кто за весь отпущенный ему век. А если ты утратил покой и сон и задумался о том, что оставишь после себя, значит, к тебе пришла золотая пора мудрости. Не теряй связь с матушкой-природой, помни, что все мы ее дети...» Все это он явственно услышал вместе с легким дуновением воздуха, когда глядел, запрокинув голову, в бездну ночного неба, где по-прежнему таинственно шуршали сполохи полярного сияния.

В это время на самой вершине увала, откуда открывался жутковатый и одновременно притягательный вид ночной тайги, на массивном округлом валуне возлежал могучий волк и тоже вглядывался в звездное небо. Старому вожаку казалось, что кто-то неведомый на фоне полярного сияния разыгрывает на всех девяти ярусах вечного неба целые картины из его жизни. И он невольно погрузился в воспоминания. Вольготно обитавший на обширных территориях основатель и главный вожак десятка новых волчьих стай чувствовал, что долгая славная жизнь близится к логическому завершению. Таков закон природы. Но, оглядываясь назад, он ни о чем не жалел. В его жизни было все. И первая подруга, которую он рано и трагически потерял. И время, когда он остался один как перст, забытый всеми. И чудесное обретение Кылбары, ставшей его верной спутницей. С тех пор они были неразлучны — легендарные матерый вожак и волчица-мать, чьим многочисленным отпрыскам принадлежат обширные земли с тихими алаасами, просторными лугами и полянами, густые леса и перелески, холмы и увалы, пологие пади и распадки, полные всякой таежной живности. Аарыма был уверен, что не каждому волку отпущена столь длинная и славная жизнь. Может, ему повезло потому, что он всегда следовал законам вечной тайги, никогда не нарушал их и всех волчат учил жить по этим законам...

Старый вожак обратился к бывшему двуногому соседу. Волку казалось, что если кто и поймет, если кто и должен выполнить его последнюю просьбу, то это только он. Но двуногий ему отказал. Сначала Аарыма был огорчен и даже раздражен отрицательным ответом, но, встретив на опушке Кылбару с волчатами, все понял. И теперь был, наоборот, благодарен бывшему соседу. Матерый осознал, что, сколько бы ему ни было отпущено судьбой, он, согласно законам тайги, обязан заботиться о волчатах до самого последнего вздоха, чтобы его любовь с Кылбарой продолжилась в биении их крохотных пока еще сердец. И так должно быть, покуда стоит Срединный мир.

Волшебные силы, изукрасившие все девять ярусов вечного неба фантастическими огнями полярного сияния, будто слышали мысли

²⁵ Якуты (народ саха) считают себя детьми солнца, которое держит их солнечными лучами как поводьями. После смерти дух человека по этим поводьям улетает вверх.

и чаяния волка и человека, и сполохи вспыхнули в ответ с новой силой. Неимоверную ширь неба от края и до края заполнил чудесный нескончаемый осуохай джюкээбилэ²⁶. Не остались безучастными и следящие за ходом времени вездесущие звезды. Они поспешили возвестить об установившемся мире и покое, засияли во всей красе и затеяли небесный Ысыах.

Жизнь по заповедям Джылга Хаан Тойона, обитающего в верхних ярусах неба и распоряжающегося судьбами всего живого, — это большая удача. Но истинное счастье для всех сущих в Срединном мире — это достойное и ничем не омраченное завершение жизни.

²⁶ *Осуохай джюкээбилэ* — буквально: хоровод северного сияния. *Осуохай* — традиционный якутский хороводный танец, во время которого люди повторяют слова мастера-запевалы. Исполняется при особо торжественных и любых знаковых событиях. *Джюкээбил* — полярное (северное) сияние.